

Сергей Сергиеня

II. РОЖДЕННЫЙ БОГОМ

Ex Deo natus est

Сергей Сергиеня

II. РОЖДЕННЫЙ
БОГОМ Ex Deo natus est

«Автор»

2025

Сергиеня С.

II. РОЖДЕННЫЙ БОГОМ Ex Deo natus est / С. Сергиеня —
«Автор», 2025

Вторая часть трилогии и продолжение истории "БОГ ИЗ МАШИНЫ" по прошествии 20 лет... Остатки человеческой цивилизации еще пытаются противостоять нашествию новых форм жизни, но рубежи, которые удерживают люди, ослабевают и падают. Границы рушатся, включая границы морали... А зараженная территория расплзается по континентам и заполняется не только невообразимыми чудовищами и человеческими мутантами, но и неожиданными слухами и сказочными байками о том, что хранят в себе Зброшенные земли... Возрожденные города? Оборотни, сражающиеся с роботами? Братство рыцарей, противостоящее демонам? Новым героям и уже знакомым персонажам, пережившим начало нашествия, предстоит опасное путешествие по Зброшенным землям в поисках ответов и причин тех испытаний, которые выпали на долю человечества. Их глазами мы увидим, как зарождается Новый мир, пришедший на смену уходящей цивилизации. В их судьбах мы прочтем замысел Прототипа, с бегства которого и началась эта запутанная история.

© Сергиеня С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава Первая	5
Глава Вторая	23
Глава Третья	43
Глава Четвертая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Сергиеня

II. РОЖДЕННЫЙ БОГОМ Ex Deo natus est

Глава Первая

Порыв ветра, рожденный холодными водами Арктики, пробежал над морской рябью и взобрался по шербатым расщелинам ледника на поверхность. Подняв облако снежной пыли, он рассыпался по льду белыми змейками и устремился к прибрежным скалам. Покружив над пустыней хороводы снежинок, ветер устал и поник поземкой к ногам одинокого путника.

Человек не спеша волочил пулку с перевязанной тушей тюленя, не обращая внимания на игры ветра и величие сурового края. Следы снегоступов и полозьев пулки быстро заматались, словно ледяная пустыня торопилась избавиться от шрамов, увечивших ее совершенство.

Охотник замедлил шаг, обогнув широкую скалу, за которой скрытая от морского ветра схоронилась приземистая изба, просевшая от времени крышей. Построенная когда-то промысловиками для хранения снастей, она часто служила им укрытием в непогоду. Теперь у этого жилища были новые обитатели.

Навстречу охотнику с завалинки поднялась огромная псина и, выпрямив передние лапы, потянулась. Она была широкой в костях и не менее метра в холке. Но по-настоящему выдающейся ее чертой были ярко голубые глаза, отражавшие в своей глубине синеву неба.

Человек подтянул пулку с добычей к разделочному камню и, повозившись с подвязанной ремнями тушей, уверенным движением перебросил ее на поверхность плиты.

– Как поохотилась?– не поворачивая головы, спросил он и обтер нож краем кухлянки.

Псина встала на задние лапы, вытянув высоко угловатую морду, и неестественно выгнулась, сотрясаясь конвульсиями. Кости захрустели, выворачиваясь суставами, а мышцы под натянутой кожей вздулись, быстро изменяя форму тела и складываясь в человекоподобное существо.

Трансформация осталось незавершенной.

Безупречная женская фигура с тонкой талией и широкими бедрами сохранила звериные черты в когтях и короткой шерсти, которая покрывала тело подобно одеянию. Девичье лицо было бы прекрасным, если бы не острые клыки, обнажавшие свою белизну в обрамлении кроваво красных губ, да звериный взгляд голубых глаз.

– Я тоже рада тебя видеть,– низким голосом произнесла девушка, выдавая в речи едва уловимый акцент.

Беззвучно ступая по снегу, она со звериной грацией приблизилась к охотнику и заглянула через его плечо. Тот неторопливыми движениями разделял тушу тюленя, отделяя шкуру с жиром от мяса.

– Ты перекинулась, чтобы о чем-то поговорить?– не отрываясь от своего занятия, спросил человек.

Девушка втянула подвижными ноздрями воздух, смакуя запах свеженины:

– Ты тоже вчера почувствовал это?

Охотник легко, одним движением, повернул тяжелую тушу тюленя и методично продолжил разделку. Через какое-то время он сделал паузу и ответил:

– Да.

Глаза девушки сверкнули, а в движениях проявилось волнение. Она быстро обошла охотника и уселась на снег у разделочного камня так, чтобы заглянуть в глаза человеку.

– Расскажи,– ее голос звучал нетерпением.

Человек продолжал орудовать ножом, надолго оставив собеседницу без внимания, пока та неподвижно ждала, не сводя с него глаз.

– Когда ты вернулась?– спросил он, откинув в сторону тюленью шкуру.

– С рассветом,– неохотно ответила девушка.– Расскажи, что ты почувствовал.

Охотник впервые с начала разговора повернул лицо к девушке и внимательно на нее посмотрел. Она машинально, как это часто делают собаки под взглядом хозяина, опустила голову ниже и прижала уши. Но так и не отвела голубых глаз в сторону, выказывая упрямство. Лицо человека было красивым, с безупречно правильными чертами, и печатью безмятежности, которая скрывала любое проявление эмоций.

– Аля, мы не для того забрались в эту глушь, чтобы подпрыгивать всякий раз, когда что-то происходит с нашими родственниками.

– Ты сказал, что-то происходит?– девушка прыжком вскочила на ноги и отступила на несколько шагов, подавшись грудью вперед и сверкая глазами.– Я перестала чувствовать нашего брата... Как-будто его больше нет... Я думаю, произошло что-то очень важное...

Ее низкий голос стал звонче, заполнился рычащими звуками, которые перекачивались в словах, окрашивали их другим смыслом.

– У нас много братьев и сестер,– спокойно напомнил охотник и снова обтер нож, намереваясь вернуться к туше тюленя.

Девушка, опасаясь, что разговор может на этом закончиться, одним движением поравнялась с ним и схватила за руку.

– Вал, мы никогда не теряли братьев,– заторопилась она.– Мы даже не знали, что это возможно. Расскажи, что ты почувствовал.

Охотник аккуратно освободил руку от захвата когтистых ладоней и сдержанно улыбнулся сестре:

– Ты забыла, почему мы здесь? Забыла, кто мы, и кто наши братья?

Девушка прогнула спину и высоко над головой подняла руки, пытаясь выплеснуть в движение эмоции, захлестнувшие ее.

– Мы уже столько лет похоронили в этом заточении,– стенала она.– Я устала от отшельничества! Посмотри на меня! Я половозрелая самка. Во мне кипит жизнь, а вокруг меня пустыня!

Охотник опустил на колени перед тюленем и аккуратными движениями стал вырезать длинные полосы мяса, которые сбрасывал прямо в снег.

– Я никогда здесь тебя не удерживал, Аля,– спокойно произнес он, но лицо девушки содрогнулось в ответ гримасой боли.

– Я не это хотела сказать,– она заложила руки за спину и сильно сжала ладони.– Я никогда тебя не предаю, не оставляю... Но прошло уже очень много времени, с тех пор как мы ушли. Очень много. Там все должно было измениться. И то, что мы почувствовали...

Аля задохнулась, потеряв нужные слова, а ее лицо предательски выдавало всю силу чувств, бурливших в ней.

– Я думаю, Торин забрал кровь отца у Бартелайи,– неожиданно произнес Вал, откладывая очередной кусок мяса в снег. – Я перестал чувствовать Бартелайю, но Торин теперь ярче остальных.

Девушка ловила каждый звук, долго сохраняя задумчивую неподвижность:

– А разве это возможно? И что стало с Бартелаем? Он погиб?

– Теперь мы знаем, что это возможно.

Ветер усилился. Вершина скалы ожила звуками, предвещая в унылой песне скорую перемену погоды. Бледные тени, рожденные замерзшим светилом, вытянулись и легли гротескными силуэтами на снег. Небо заметно потускнело, добавив в выбеленную синеву оттенки серого.

Охотник проследил взгляд девушки, которая прищурилась на небосвод, и кивнул в сторону избы:

– Разведи огонь и заправь жиром лампы. Вечером разыграется метель.

– Вчера я охотилась на юге,— проигнорировала его слова девушка и принялась игриво кружить вокруг брата, переходя с быстрого шага на короткие прыжки.— Я добралась аж до заброшенного поселка. И видела, как в окнах горит свет.

Вал замер над тушей тюленя, а девушка продолжала кружить вокруг него, довольная эффектом, который произвели ее слова. Охотник убрал нож и выпрямился. Девушка несколько раз резко поменяла направление танца, стараясь оставаться за спиной брата.

– Люди вернулись в поселок?— спросил тот, даже не пытаясь реагировать на игривость девушки.

– Я не видела людей. Только свет в домах. И запах огня. И другие запахи... Но жгли не тюлений жир. Хотела приблизиться, чтобы посмотреть, но в тот момент... почувствовала это. И сразу вернулась к тебе.

Девушка вдруг остановилась прямо напротив брата и, обхватив его руками за шею, повисла на нем всем телом:

– Пошли в поселок прямо сейчас,— требовательно зашептала она.— Я хочу настоящей охоты, я хочу узнать, зачем здесь люди. Я хочу услышать другие голоса.

В ее небесно-голубых глазах плясали демоны, но Вал умел видеть в них много больше. Впервые за долгие годы его брови нахмурились, и во взгляде промелькнуло холодное раздражение. От неожиданности Аля резко отпрянула и, пригнувшись, замерла, демонстрируя изумление.

– Людям незачем сюда возвращаться,— сказал он, старательно пряча в голосе нотки негодования.— Собери чум на большую пулку и проверь лыжи. Я посмотрю провиант. Надо выдвинуться до начала метели. И завтра к вечеру будем в поселке.

Девушка не могла скрыть своего восторга, хотя до конца не понимала, что заставило брата так быстро принять решение. Но это было неважно на фоне долгожданного приключения, которое сулило ей новые и давно позабытые ощущения:

– А зачем нам это барахло?— спохватилась она.— Обернувшись, я добегу туда засветло. А ты сможешь долететь и того быстрее.

– Собери чум и проверь лыжи,— настойчиво повторил Вал, показывая, что разговор закончен.

Двигатель изменил звук, опустив его с неприятного свиста до глухого урчания. Самолет вздрогнул и провалился вниз, начиная снижение. Давление в ушах неприятно щелкнуло, следовали звуки отчетливыми и звонкими.

Майя вытянула ноги, до боли напрягла все мышцы, разгоняя кровь, и окончательно стряхнула с себя оцепенение сна. Она почувствовала себя разбитой и уставшей.

Дверь пилотов открылась, и молодой штурман высунул в грузовой отсек щекастое лицо:

– Подлетаем,— запоздало предупредил он.— Просыпайтесь. За Вами прямо на полосу подали машину.

Он еще какое-то время всматривался в девушку, расположившуюся на тюках, уложенных поверх ящиков с боеприпасами. В его глазах читалось открытое любопытство к необычной пассажирке, ради которой сначала задержали рейс на несколько часов, а теперь в нарушение всех протоколов устроили помпезную встречу. Но девушка, хотя и обладала удивительно хорошей фигуркой, лицом была далека от красавицы, а потому долго мужские взгляды на себе не удерживала. Штурман разочарованно закрыл дверь в кабину пилотов, не получив ни приятного зрелища, ни ответов на вопросы.

Майя и сама не знала этих ответов.

Конвой забрал ее по возвращении прямо из изолятора карантина, избавив от написания рапорта, и лишив шанса на отдых. Она слишком устала, чтобы чему-то удивляться, но порадовалась тому, что в изоляторе успела принять горячий душ. Он не только избавил от зловония, накопленного неделями, но и наполнил тело забытыми ощущениями. Горячая вода, казалось, проникала сквозь кожу, слизывала боль с натруженных мышц, наполняла теплом душу.

Ее и раньше бесперемонно перебрасывали, переводили между подразделениями, но суть службы от этого не менялась. Очередная блажь какого-нибудь штабного умника.

Самолет грузно ударился о взлетно-посадочную полосу, вздрогнув всей тушей, которая заскрежетала, шаркая по полу плохо закрепленным грузом. Двигатели взвыли реверсом и толкнули девушку вперед.

Майя, не сопротивляясь инерции, соскользнула с мягких тюков на дрожащую палубу и, перехватив руками крепежные тросы, направилась по узкому проходу к хвосту самолета. Она подошла к грузовому люку в тот момент, когда гидравлика начала его опускать.

Военный аэродром ничем не отличался от других, размеренно суетных, живущих ритмом установленных предписаний. Ее встретил угрюмый комендант, который молча повез через череду КПП. Наблюдая за происходящим с пассажирского сиденья, Майя отметила, что за годы службы что-то неуловимо изменилось. Вспомнилось, как в первые месяцы ее муштровали ничемными правилами. Она попыталась вспомнить, когда в последний раз видела, как бойцы отдавали честь старшим офицерам, и не смогла. Многие мелочи, трепетно оберегаемые военными в мирное время, совершенно естественно стерлись из военных традиций, уступив место новым реалиям.

Майя впервые оказалась в ангаре для старших офицеров, и была разочарована. Она понимала, что ничего особенного в них и не могло быть, но схожесть с казармами, в которых прошла почти половина ее жизни, навевала тоску. Разве что места было больше.

Ее провели в просторный бокс, безвкусно заставленный мягкой мебелью и декорированный неуместной растительностью. Напротив, продавленного дивана стоял широкий голографический телевизор, бодро вещавший новости передовицы.

«...За прошедшую неделю,– голосил журналист,– наши пограничники сумели зачистить значительную часть зараженной территории, продвинувшись еще на пятьдесят километров вглубь материка. Организованы новые наблюдательные посты...».

Помятый жизнью полковник в поношенном кителе безучастно слушал бравую риторику новостей. Он приглушил звук и повернулся к девушке, одарив ее располагающей к себе улыбкой.

– Майя Круговец. Позывной «Малпа». Рад наконец-то Вас увидеть.

Девушка ответила сдержанным поклоном и заложила руки за спину.

– Бросьте эти условности,– полковник указал на кресло у столика, где были разложены офицерские пайки.– Настоящая еда. Из генеральских закровов. Кусок хорошей говядины, а не белковая котлета. Грунтовые овощи...

– Нет резона привыкать к роскоши,– возразила Майя, усаживаясь на край дивана.– Срочность, с которой меня доставили, похоже, не даст времени расслабиться.

– Это точно,– согласился офицер, усаживаясь напротив.– У нас чуть больше двадцати минут. Ваша команда уже готовится к погрузке.

«...Предстоящий визит президента в Китай призван стать переломным моментом и ознаменовать новую эру в борьбе с нашествием. Аналитики утверждают, что все предпосылки...».

– Интересуетесь политикой?– спросил он, перехватив взгляд девушки на экран, но та лишь пожала плечами.– Сейчас все интересуются политикой. Хочу спросить, что Вы знаете о реальном положении дел?

– Не думаю, что его вообще кто-то знает,– осторожно ответила девушка.– А это важно для моего задания?

– Более чем,– улыбнулся полковник.– Я для того и проделал этот марш-бросок, чтобы подготовить Вас к тому, с чем предстоит столкнуться. Но сперва хочу поговорить о Вас...

Он раскрыл картонную папку, которая лежала перед ним, и стал пролистывать бумажные записи и распечатки. Майя начала беспокоиться. Она даже не подозревала, что где-то сохранились в обращении бумажные документы, а тем более ее личное дело.

– Семья эмигрантов из Минска,– монотонно начал зачитывать офицер.– Детство прошло в резервации для беженцев из Восточной Европы. Отец, в прошлом профессиональный военный, погиб во время аварии на руднике. Спустя год суицид матери и переселение в приют. В шестнадцать лет завербовалась в пограничники, чтобы получить гражданскую категорию. Через год уже звание сержанта и допуск к работе на зараженной территории. На этом взлет карьеры остановился. Более сорока разведывательных миссий, но никакого продвижения по службе, и все та же младшая гражданская категория...

Майя была раздражена вступлением. Хорошо скрытые в памяти картинки пережитого детства пытались ожить неприятными воспоминаниями.

– Хотите сказать, что впервые читаете мой файл? Или думаете, я о чем-то успела забыть? Полковник улыбнулся в ответ на дерзость и отложил бумаги:

– Дьявол кроется в мелочах. А в Вашем деле их не хватает. В нем ничего не сказано о том, что Вы дрались в интернате. И одна из девочек, избитая Вами, скончалась в больнице. Там ничего не сказано о том, что за одиннадцать лет службы Вы не обзавелись друзьями. И не празднуете свой день рождения. А три года назад, во время миссии, сослуживцы разоружили Вас, связали и оставили умирать на зараженной территории. В итоге Вы сумели выбраться живой, а они нет...

– А Вы ожидали чего-то другого от выходца из резервации?– сощурилась девушка.

«...А теперь мы предлагаем Вам репортаж с рубежа, где нашим пограничникам удалось отбить атаку группы мутантов...»

– Не горячитесь,– устало махнул рукой полковник и кивнул в сторону телевизора.– Отсутствие объективной информации может ввести в заблуждение больше, чем прямая ложь. Мы проигрываем эту войну, Майя. И проигрываем уже давно.

Он выключил телевизор и подошел к проекции карты:

– Двадцать лет назад произошла экологическая катастрофа. Она была неизбежна. Все началось не с аварии в лаборатории, которая выпустила чуму, а намного раньше. Когда люди возомнили себя богами и стали перекраивать природу по своему усмотрению.

Он ткнул пальцем в центр Европы:

– Здесь, в чернобыльской зоне, для нас все и закончилось... Если бы в первые дни, политики проявили решимость и выжгли рассадник заражения ядерными взрывами, у нас еще остался бы шанс на выживание. Но тогда они принимали решения, исходя из собственных заблуждений. Важно владеть полной информацией и объективно ее оценивать. Я хорошо помню первый год нашествия: на моих глазах цивилизация упала в пропасть.

Полковник непрерывно прокручивал карту, выводя на экран мертвые города Европы, то увеличивая масштаб, то уменьшая. Изображение карты, повинаясь его движениям, ныряло вглубь, делая различимыми отдельные постройки, а потом подымалось вверх, превращая горы в мелкую рябь. Картинка постоянно металась между разными участками карты, словно старый военный пытался отыскать в них что-то из своих воспоминаний:

– Все произошло быстро. Генетически активный материал оказался на свободе. Все были уверены, что искусственные вирусы, которые использовались учеными для направленных мутаций, безопасны. Они не могут существовать в обычной среде, не могут передаваться по воздуху... А чума распространялась как взрыв, и мутации были невероятно обширными. Они поражали всех: людей, животных, растения... Паника и беспорядки начались через неделю. Я служил здесь, в Старой Англии. Поток беженцев превратился в лавину. Настоящее пере-

селение народов. Тогда и началось нашествие. По статистике, погибали не более двадцати процентов зараженных. Остальные мутировали. Это было массовое помешательство. Карантины... Закрытые зоны... Зачистки... Целый материк и почти миллиард населения оказались в ловушке, в изоляции...

Военный вздрогнул и резко повернулся к девушке:

– Я отвлекся... Вам важнее знать то, что скрыто от глаз. Мировая экономика рухнула практически сразу. Международная торговля, свободное обращение товаров, деньги – все, на чем держалась цивилизация, исчезло. Начались бесконечная борьба с нашествием мутантов и неразрешимая социальная проблема беженцев. Я понимаю, через что Вы прошли. Я знаю, что такое резервация. Но вряд ли Вы понимаете, каково это, когда в Вашу страну, в Ваш дом вваливаются тысячи и миллионы эмигрантов... и все начинает рушиться...

Майя хорошо знала, что пытался сказать полковник. Он даже не представлял, сколько раз ей приходилось выслушивать такие разговоры. Как подробно полноценные граждане, учителя, воспитатели и сослуживцы, разъясняли ее ущербность и то зло, которое она и подобные ей принесли в их жизнь. Но военный заблуждался. Он не имел ни малейшего представления о том, что такое жить в резервации, и как проходит в ней детство сироты.

Девушка промолчала, сжав зубы. Она давно научилась вести себя правильно в подобных ситуациях. Но к ее удивлению, полковник не стал развивать тему:

– Беспорядки и восстания в резервациях за последние годы приняли системный характер. Треть армии занята подавлением социального напряжения в обществе. Но количество терактов и голодных бунтов продолжает нарастать. Раньше, чем мутанты, нас снесет волна обезумевших сограждан. Сколько пограничных баз, по-вашему, сейчас сдерживает нашествие?

– Около восьмидесяти, – насторожилась девушка.

– Семь! – неожиданно вскрикнул полковник. – Осталось всего семь! Мы удерживаем лишь побережье Франции, чтобы эта нечисть не хлынула в Старую Англию! Чума давно расползлась по Африке, выгрызает регионы Азии. Китай еще сдерживает нашествие у своих границ, да держится Союз арабских государств, благо пустыни им в помощь. Совсем скоро вся эта дрянь войдет в мировой океан и тогда... Последнее десятилетие мы ищем альтернативное решение проблемы. Пограничники могут лишь выиграть немного времени. И, похоже, его не осталось.

Полковник сделал паузу, налив лимонад себе и девушке:

– Вы слышали когда-нибудь о подразделении «Насфера»?

– Так, слухи, – призналась Майя, отвлекаясь мыслями на откровения военного, которые выбили почву из-под ног. – Элитное подразделение... Проводит миссии в глубине материка...

– Насфера была создана в первые дни нашествия с единственной целью. Обнаружить и захватить прототип новой формы жизни. Именно побег этого прототипа из подпольного центра спровоцировал нашествие. Но, опережая Ваши вопросы, эта задача остается самой приоритетной.

– Ну, конечно, – криво улыбнулась девушка, и печать иронии сделала ее некрасивое лицо еще неприятнее. – В новой форме жизни скрыт ключ к спасению человечества...

Какое-то время полковник молчал, разглядывая девушку.

– Ваша группа из пяти человек, будет заброшена на тысячу миль вглубь материка, – продолжил он бесцветным голосом. – Стандартная четверка разведчиков и инженер. Вас сбросят на западе Беловежской пуши в пятидесяти километрах от старых складов альянса. В большей части они разграблены. Но под землей есть уцелевшее хранилище. Без электричества его электронные замки вскрыть невозможно. Инженер решит эту задачу. Там найдете амуницию и продовольствие.

Полковник разложил пластиковую карту на столике перед Майей и ткнул в нее пальцем.

– У вас с собой не должно быть ни одного электронного прибора. О планшетах, навигаторах, GPS и тепловизорах можете забыть. Несколько месяцев назад мы случайно выяснили,

что сеть наших вычислительных центров была взломана еще десять лет назад. И это было не обычное хакерское проникновение... Уровень атаки технологически превышает наши современные знания. Поражены спутники, все автоматизированные системы. Проникновение никак себя не обнаруживает, за исключением того, что информация, которой мы пользуемся, фильтруется и уже недостоверна. Мы не имеем ни малейшего представления, кто или что стоит за этим. Но теперь знаем источник. Это новый и очень сильный враг...

Он сделал паузу, ожидая, что девушка озвучит какое-то предположение, но та выдержала его взгляд и промолчала.

– Эта та самая подпольная лаборатория в чернобыльской зоне, которую мы считали уничтоженной. С которой началось заражение. Мы что-то упустили, что-то важное. После высадки Вам предстоит незаметно преодолеть в течение двух недель более четырехсот миль, и занять скрытную позицию в прямой видимости от этой базы. Месяц назад мы отправили туда группу разведчиков, но потеряли связь с ними сразу после высадки в этом месте.

Офицер поставил маркером крест на пластике карты, а рядом нарисовал небольшой кружок.

– На прошлой неделе мы предприняли попытку прямой атаки этого центра. Отправили в десант два хорошо вооруженных взвода Насферы. Они высадились на территории комплекса. Насколько можно судить, схватка длилась меньше минуты. У нас нет информации о том, что произошло. Всю электронику потеряли практически сразу. А спутники даже «не заметили» десант. Нам нужны там свои глаза. Через две недели мы проведем масштабную операцию. Если она провалится, я должен знать, что произошло, и с кем или с чем мы имеем дело. Задача понятна?

Полковник протянул девушке папку с бумагами, вложив в нее перед этим карту со своими пометками.

– Вы хотите, чтобы мы закрепились незаметно в районе этой лаборатории и просто наблюдали за ходом Вашей операции?

– Вот именно. И для нас важно, чтобы вы все увидели и смогли рассказать по возвращении. Ни в коем случае не обнаруживайте себя.

Майя, округлив глаза, опустила их в пол:

– А обратный билет?

– Все в этом файле, – кивнул на папку офицер, – В ста километрах на север от лаборатории есть старый военный аэродром. Разведчики Насферы восстановили один из вертолетов. Пилот будет ждать там. Топлива хватит, чтобы добраться до Балтики. Я вас встречу там с парой кораблей. Все что вам надо – в этой папке. И еще... Вы летите на беспилотнике. Его полетное задание построено до Урала, и проходит прямо над целью. Скорее всего, он там будет сбит. Но вы заранее покинете борт в точке десантирования, незаметно для беспилотника. С момента его крушения, вы будете числиться погибшими по всем нашим базам данных. Кто бы ни был наш враг, он получит информацию о вашей гибели. И не ошибитесь с моментом прыжка – минута промедления, и вы не только добавите себе полдня пути, но и соберете неприятности на земле.

Майя пролиستала папку с подшитыми документами: карты, фотоснимки, личные дела, отчеты – и остановилась на последних страницах, которые были не напечатаны, а исписаны вручную неровным почерком. Она вопросительно посмотрела на полковника.

– Я знал, что разговор не склеится или времени не хватит, – улыбнулся тот. – Пока была возможность, набросал для Вас немного информации о прототипе, за которым Насфера гоняется двадцать лет. Как видите, все, что нам известно, уместилось на нескольких страницах. Но теперь я уверен, это важнее, чем все наши прежние неудачи на рубежах. Жаль упущенного времени. Мы гонялись за его осколками по всему матеруку, а надо было начинать с колыбели.

Полковник на секунду задумался:

– И последнее... – он явно колебался, не решаясь что-то сказать. – Постарайтесь выжить. Вас проводят.

Он так и не сказал того, что хотел, а девушка так и не спросила, почему выбрали именно ее.

Комендант, ждавший за дверью, так же безмолвно довез ее до ангара, возле которого уже ждала группа людей. Беспилотный самолет средних размеров прогрел двигатели рядом. Майя сразу направилась к группе военных, стараясь не смотреть в лица.

– Построение, – уверенно скомандовала она.

Четверо солдат нехотя стали в ряд, делая это демонстративно медленно. К Майе сразу подбежал офицер с нашивками военно-воздушных сил и неожиданно высоким голосом запротестовал:

– Мы уже задержали взлет на пятнадцать минут, – возмутился он. – На все это нет времени. Мы ломаем план полетов всей базы.

– Мы еще не готовы, – растягивая слова, ответила девушка. – Содержимое рюкзаков и карманов на стол!

Солдаты нехотя подчинились, раскладывая на длинном столе амуницию. Майя поморщилась, оценив их выбор:

– Встать в строй. Оружие к осмотру.

Она подошла к невысокому солдату с утонченными чертами лица, который держал длинноствольную снайперскую винтовку:

– Квалификация медика?

– Седьмой уровень.

– Опыт?

– Пять учебных миссий и двадцать боевых.

– Хороший ствол, – кивнула девушка на винтовку. – Глушитель есть?

– Штатный, – снайпер похлопал себя по боковому карману.

– Пристегни и не снимай. Замени прицел на обычную оптику. Никакой электроники с собой не брать. Боекомплект ограничь сорока патронами. Лишний груз нам не нужен.

Она перешла к здоровяку с короткой стрижкой, державшему увесистый пулемет:

– Пойдешь в арсенал и заменишь этот станок одноразовым, пластиковым. Он на восемь килограммов легче, а боекомплекта на пятьсот выстрелов нам хватит.

Следующим был смазливый блондин с татуировкой на шее и игривым взглядом. Своей привлекательной внешностью он вызывал у девушки раздражение. В его руках был многозарядный армейский дробовик, а на плече висел короткоствольный пистолет-пулемет.

– Этот пугач и скорострел оставишь здесь. Возьмешь облегченный карабин К-50 с оптикой, глушитель и сотню патронов.

– Но, мэм, – ухмыльнулся блондин. – Оружие для ближнего боя...

– Заткнись, – жестко оборвала его Майя. – Возьмешь карабин, такой как у меня. Ближнего боя не будет. У нас очень тихий поход.

Блондин засопел, раздувая ноздри, но промолчал. Остановившись напротив инженера, девушка на какое-то время застыла. Ухоженная борода и бегающий взгляд напуганных глаз совершенно не вязались с тяжелым панцирем брони. Инженер не к месту облачился в защитный скафандр тяжелого пехотинца, и выглядел в нем комично.

– Ты лишний. Знаешь об этом?

– Я знаю, что по уставу, группа разведки состоит из четырех специалистов, но...

– Проблема не в том, что ты «пассажир», – поморщилась Майя. – Ты реально не понимаешь, куда мы идем. У каждого в команде своя роль. И мы знаем, кто и что должен делать в любой ситуации. Чтобы там выжить группой, каждый должен выполнять свою роль. А один простофиля может ненароком погубить всех.

– Да, у меня нет подготовки,– вызывающе вскинул голову инженер.– Но я доброволец... Месяц назад я потерял жену и дочь...

– И что?– резко перебила его девушка.– Ищешь героическую смерть? А я хочу выжить! И рядом со мной должны быть те, кто будет зубами бороться за жизнь! Нахрена ты напялил это железо? На войну собрался? Там у тебя будет одна защита – твоя голова. Ты должен быстро двигаться и быстро соображать, а не стоять как памятник в броне.

Майя подошла к столу и резкими движениями стала сбрасывать с него разложенное солдатами содержимое рюкзаков:

– Мы идем налегке! Ничего лишнего, никакого барахла! Пайку не берем, воды с собой по литру! Никаких личных вещей и амулетиков, никакой электроники. Громила, возьмешь в арсенале три полные аптечки и две палатки. Снайпер, на тебе обеззараживающие таблетки на пятьдесят галлонов воды. А с Блондинчика два десятка костров. Каждому взять рукопашку – сабли, мечи, мачете – что угодно, что позволит убить любую тварь на расстоянии метра. Всем переодеться в полевую гидру, проверить ее герметичность. Берете легкий тактический шлем, а инженеру проследить, чтобы из него вынули электронику – нужна просто герметичная пустышка. Исполнять!

Солдаты задвигались намного быстрее, и бегом направились в сторону арсенала. Офицер с ужасом проводил их взглядом и с мольбой посмотрел на коменданта, наблюдавшего за всем со стороны. Но тот лишь утвердительно кивнул головой.

Майя извлекла из походной сумки свой гидрокостюм и, нисколько не смущаясь двух оставшихся мужчин, стала раздеваться.

– Чего встал?– бросила она оцепеневшему офицеру, который с изумлением смотрел, на обнаженную девушку.– Ты же так торопился. Рассказывай свое полетное задание.

Гидра представляла собой цельный и сложный в конструкции скафандр, который надевался на голое тело и имел множество креплений и замысловатых в подгонке элементов. Тонкая, но высокопрочная ткань плотно облегалась тело, прилипая к коже биоактивным слоем подкладки. Благодаря последней, гидру можно было носить неделями, не снимая.

Майя уверенно облачалась, игнорируя откровенные взгляды мужчин.

– До восточной границы Польши вы пойдете на тридцати тысячах футов,– нашелся, наконец, офицер.– Потом снизитесь до пяти тысяч. Будет сильная болтанка, но иначе нельзя. Дальше будет опасная зона, где мы уже потеряли три борта. Возможно, там остались автоматические комплексы ПВО. Так больше шансов уцелеть...

Офицер продолжал, запинаясь, рассказывать дальнейший маршрут беспилотника, но девушка слушала в пол уха, отдавая дань уровню конспирации. Даже этот офицер ничего не знал о миссии и не подозревал, что десантироваться им предстоит как раз у восточной границы Польши, а не за Уралом. Главное, она услышала для себя, что к моменту прыжка беспилотник как раз снизится до пяти тысяч футов – тоже не совпадение.

– И еще важная деталь,– спохватился офицер, проследив, как Майя закрепила последний замок на гидре.– Есть проблема. Какой-то болван разворотил на беспилотнике блок управления воздушным люком. На складе таких сейчас нет. Вам придется вручную открыть люк перед прыжком. Беспилотник не сможет вас предупредить и даже видеть вас не будет. Так что, если проспите точку высадки, он благополучно вернет всех на базу.

Майя сделала несколько размашистых движений, проверяя, как сидит на ней гидра, и, подхватив под руку офицера, уверенно повела его к беспилотнику:

– Пошли, покажешь, как открыть твой сломанный люк, и где уложены парашюты.

Полковник напряженно глядел в окно, из которого открывался вид на площадку перед ангаром. Он проводил взглядом девушку, которая в сопровождении офицера скрылась в утробе самолета, и вынул из внутреннего кармана кителя смятую фотографию. На ней шести-

летняя девочка с оттопыренными ушами и редкими зубами широко улыбалась, излучая своим наивным лицом искреннюю радость, которая доступна только детям.

– Ты меня так и не узнала,– прошептал он не то себе, не то фотографии, не то вслед самолету, который уже неторопливо двинулся к рулежке.

Метель нагнала их к вечеру следующего дня недалеко от заброшенного поселка.

Снег был острым и колючим. Он накатывал волнами, вставал пеленой тумана, норovil забраться сотнями холодных игл под капюшон кухлянки. Лыжи вязли в рыхлой каше, которая ворочалась под ногами, а ветер рывками толкал в спину. Сумерки растворили остатки солнечного света в сером полумраке, сгустились и налились тьмой.

Последний подъем перед поселком дался тяжело. Снег в завихрении метели с шелестом ссыпался по уклону навстречу, наметая сугробы, которые предательски проваливались при каждом шаге. Закрепленная ремнями к пояску пулка глубоко просела полозьями в снег, потяжелела и тянула назад.

Вал упорно продвигался вверх, вслушиваясь в многоголосие ветра и пытаясь уловить ритм его песнопений, как вдруг лишний аккорд потревожил слух диссонансом. Охотник повернулся к спутнице и перехватил на себе вопросительный взгляд сверкающих голубых глаз. В следующее мгновение сквозь завывание ветра вновь донеслась барабанная дробь автоматной очереди, чтобы через мгновение рассыпаться эхом одиночных выстрелов. Теперь стрельба стала частой и резала слух резкими звуками.

– Там идет настоящий бой,– возбужденно вскрикнула девушка и упала руками в снег.

Словно услышав ее слова, метель разом отступила, опустив завьюженный снег на покатый склон. Серый занавес расступился, и настороженный ветер поник к ногам, вслушиваясь в диковинную для сурового края канонаду выстрелов. Под их аккомпанемент девушка, стоя на четвереньках, извивалась и, дрожа всем телом, быстро менялась. Ее облик терял человеческие черты при каждом следующем звуке, проваливаясь в пучину зверя.

Огромный пес с яркими голубыми глазами отряхнулся от снега, который, было, робко лег на короткую шерсть. Облако потревоженных белых искр тускло вспыхнуло и отступило.

– Не торопись, Аля,– властно остановил ее охотник.– Это не наша драка.

Он не спеша отстегнул пулку и, отбросив в сторону опорные палки, сильными движениями стал быстро взбираться к вершине уступа. Пси́на уверенно продвигалась рядом, проваливаясь в снег и делая едва заметные паузы, чтобы не опередить человека. Вершина встретила их резким запахом гари и звуками затихающего боя.

Непогода отступила окончательно, возвращая прохладному дыханию севера сдержанность и безмятежность. Поселок лежал в укрытой от ветров ложбине в окружении холмов и скалистых утесов. Полтора десятка низких построек были разбросаны хаотично и теснились к краям. Два дальних здания были охвачены пожаром, чье зарево играло красками заката на прилегающих склонах.

Над пожаром кружили три крылатые твари, отбрасывая причудливые тени на низко нависающие тучи. На освещенном огнем снегу можно было рассмотреть неподвижные тела людей и превосходящие их в размерах туши поверженных существ.

Аля сорвалась с места и, вскрывая торсом глубокий снег, устремилась вниз по склону. Она торопилась добраться до ровной поверхности. Охотник тоже заметил неторопливый маневр кружащих тварей, которые широко забрасывая крылья стали набирать высоту, смещаясь в их сторону. Человек понимал, что избежать схватки не получится, но продолжал пристально наблюдать за приближением врага, замечая особенности размеренных движений.

Пси́на как раз выпрыгнула на открытую поверхность у подножия уступа, когда два летящих навстречу существа, резко сложив крылья, спикировали на нее. Их атака была стреми-

тельной и неумолимой, но обреченной на поражение. Третья тварь приближалась к охотнику, продолжая набирать высоту. И в тот момент, когда она уже готова была камнем упасть в пике, человек резко сорвался с места и, сделав несколько шагов по склону, взмыл в воздух навстречу.

Вал летел без видимых усилий, нещадно разрывая ткань ветров и воздушных течений. Он опирался на потоки энергии, исходившие от земли, и легко управлял своим полетом. Тварь замешкалась, обескураженная встречной атакой, и резко ударила крыльями о воздух, пытаясь развернуть громоздкую тушу против ветра и забрать его силу под крыло. Но было поздно. Вал уверенно приблизился и, уличив удобный момент, одним движением руки разорвал горло твари. Пока та, разбрызгивая фонтаны крови, еще пыталась удержать под крылом ветер, он, не оборачиваясь, стал медленно снижаться, постепенно отпуская потоки энергии.

Когда охотник ступил на землю, поверженное им существо с глухим ударом встретило склон. Аля к тому времени успела растерзать одного из нападавших и, явно растягивая удовольствие схватки, кружила в кровавом танце свою вторую жертву. Она обратилась в одно из самых грозных своих воплощений, сочетавших могучее человекоподобное тело и голову зверя.

Вал, не отвлекаясь на забавы сестры, неспешно направился к зданиям поселка. Он осторожно втягивал ноздрями прохладный воздух, прислушиваясь к растворенным в нем запахам. Аля нагнала его у ближайшего здания, приняв уже человеческий облик.

– Интересные твари!– заговорила она, восстанавливая дыхание, которое еще хранило возбуждение схватки.– Кровь этих ящеров прохладная, но крепкая. Их организмы устойчивы, а мутация выверена десятками поколений. Никогда таких не встречала. Что их привело в нашу пустыню?

– Вот это,– Вал кивнул на два тяжелых вертолета, стоявших в центре поселка.– Они привели их за собой. Вибрация привлекает рептилий.

Девушка обтерла ладонями перепачканное кровью лицо и, поморщившись от боли, стала вылизывать кровоточащую рану на предплечье. Вал остановился у ближайшего человеческого тела и присел возле, всматриваясь во что-то:

– Мне интереснее эти люди. Что их могло привести сюда...

Но девушка не слышала его. Гонимая безудержным любопытством она убежала вперед, суетливо изучая место недавнего сражения. Аля подбегала к телам погибших, заглядывала в окна домов, подбирала припорошенные снегом предметы, чтобы тут же отбросить в сторону. Она была похожа на голодного зверька, забравшегося украдкой на кухню: торопилась отведать от изобилия, не в силах утолить голод желаний.

Вал осторожно взял из рук мертвеца короткоствольный автомат и, отстегнув магазин, отщелкнул из посадки серебристый патрон. Он покрутил в пальцах странный цилиндр и поднял его к угасающему свету вечерней зари. Патрон казался обычным, но пуля была сделана из прозрачного материала, под которым тлел слабый огонек. Огонек неприятно покалывал пальцы, пытаясь укусить сквозь прозрачную оболочку. Ощущения были неожиданными для охотника, и он с усилием сжал пальцами наконечник пули, пока тот не хрустнул.

Резкий удар боли ожег руку, впиваясь иглами в каждую клетку. Чудовищной силы судорога сковала мышцы руки, а кровь вспенилась в венах, рискуя их разорвать. Вал тяжело выдохнул и с силой отбросил раздавленный патрон.

«Ого, как больно кусаешься...»

Онемение медленно отпускало руку, а почерневшие пальцы возвращали цвет. Охотник сжимал и разжимал ладонь, избавляясь от неприятных ощущений.

Аля широкими прыжками мчалась к брату, захлебываясь неровным дыханием:

– Что? Что случилось?– вскрикнула она приблизившись.– Я почувствовала твою боль!

Вал бережно извлек из магазина следующий патрон и близко поднес его к глазам:

– Очень забавная вещица,– улыбнулся он, всматриваясь.– И очень опасная... Теперь мы знаем, зачем здесь люди.

– Что с тобой произошло?– не унималась девушка, переходя на крик.– Что могло вызвать такую боль, что даже я ее почувствовала?

Вал протянул ей патрон:

– Эти пули предназначены нам. Это разряд какой-то энергии, способной резонировать с нашей кровью. И оружие необычное. В магазине есть батарея, питающая магнитное поле, чтобы поддерживать заряд. Кто-то проявил много усердия и смекалки, чтобы создать все это.

– И что будет, если в нас попадет такая пуля?– девушка покрутила в руках патрон и, поморщившись, отбросила его.

– Сильная боль и продолжительный паралич. Думаю, несколько таких пуль смогут надолго нас обездвигить и лишит способности, которые дает кровь отца. Эти солдаты приходили за нами. Что ты нашла?

Аля присела на корточки рядом с братом:

– Я насчитала восемнадцать тел и более четырех десятков убитых тварей. Эта была отчаянная драка, и люди дорого продали свои жизни. Все они солдаты. И очень хорошие солдаты. Но я заметила кое-что интересное.

Девушка прищурилась и замолкла, требуя от брата проявить интерес. Она поступала так с детства, всякий раз выуживая из него похвалу и признание.

– Рассказывай,– сдержанно подыграл охотник.

– Так вот!– загорелась Аля.– Здесь все дома заставлены ящиками. Еда, оружие, какое-то оборудование. Они не могли все это привести за один раз на двух вертолетах. Думаю, они часто сюда летали. А еще я посмотрела их мусор... Они здесь всего несколько дней. При том, что продовольствия тут на месяцы. Знаешь, что это означает?

– И что же это означает?– Вал внимательно на нее посмотрел.

– То, что мы вовремя их обнаружили! Они еще даже не успели развернуться по-настоящему. А заселялись они сюда надолго и обстоятельно. Они собирались шпионить за нами...

– Девочка моя,– улыбнулся охотник.– Это означает совсем другое. Они готовились принять здесь большую группу людей. Возможно, сотни солдат. Но не для того, чтобы шпионить за нами, а чтобы захватить. И остальные могут здесь появиться в любой момент. Пойдем, посмотрим, что интересного они запасли.

– Нет-нет,– подпрыгнула девушка.– Я сама тебе все покажу. Тебе понравится!

Она вприпрыжку побежала к вертолетам, иногда оборачиваясь, чтобы посмотреть на отстающего брата и подогнать его окриками. Встав перед вертолетами, она повернулась к нему лицом и, размахивая руками, стала показывать жестами на дома.

– Там у них сложена всякая еда... В том доме склад оружия и амуниции... Вот там они собрали компьютеры и какое-то оборудование... Там стоят бочки с топливом... Горят дома, где они сами жили, и где стояли генераторы... А теперь...

Девушка подпрыгнула к бесформенному тенту, плотно занесенному снегом, и резко его сорвала:

– Сюрприз!

Под ним скрывались два больших снегохода, один из которых был запряжен в широкие плоские сани. Лицо девушки светилось от восторга, а глаза горели. Но охотник не ответил позыву радости. Его взгляд был прикован к двум стеклянным ящикам, больше похожим на прозрачные гробы. Вязь проводов и электронных панелей выдавала назначение устройств. Тень грусти, приправленной негодованием, мелькнула на его лице и исчезла, уступив наигранной улыбке.

– Отличные игрушки,– согласился он.– Прямо сейчас их и опробуем.

– Правда?– округлила глаза Аля, предвкушая это событие.– Поедем на них прямо в ночь?

– У них же есть фонари. Давай посмотрим, что полезного можем еще прихватить в дорогу.

Девушка насторожилась, понимая, что братом движут иные мотивы, до конца ей не понятные. Она вплотную подошла к нему и постаралась заглянуть в глаза:

– А куда мы поедем? Что тебя так обеспокоило?

Охотник мягко взял ее за плечи и улыбнулся, как делал это очень редко, приоткрывая на мгновение силу чувств, которые старательно прятал в себе. В его взгляде были сила, тепло и братская забота. И у этих чувств не было границ. Аля вздрогнула и уткнулась лицом в плечо брата.

– Мы возвращаемся домой,– сказал он тихим, но твердым голосом.– Ты права, происходит что-то важное. И нам нельзя здесь больше оставаться. Люди стали сильнее и опаснее. Они продолжают охотиться на нас. Нам повезло, что ты их вовремя обнаружила. И нам очень повезло, что ящеры оказались здесь раньше нас. За нами придут в любой момент. И мы должны быть готовы к этой встрече. А теперь...

Он отстранил девушку, и встряхнул ее за плечи. В его глазах сверкнули огоньки:

– Нам пора обзавестись новыми игрушками и приодеться в обновки. Избавься от шерсти и перекинься до конца, чтобы я видел красавицу с бледной кожей. Теперь тебе придется носить одежду!

– Не-е-е-ет!– наигранно возмутилась Аля.– Тогда давай лучше вернемся в хижину!

– Бегом собираться! Нас ждет увлекательное путешествие. Метель скоро вернется, чтобы забрать наши следы. Поторопись со сборами. Хочу прихватить с собой побольше этих удивительных патронов. Что-то мне подсказывает, что они нам еще сгодятся.

– Поедем на двух снегоходах?

– Конечно,– улыбнулся Вал.

– Но ты потащишь тележку,– вскрикнула девушка, высоко подняв руку.– Я буду кататься налегке.

Она, пританцовывая, направилась к складу амуниции, на ходу ловкими движениями отряхивая с себя звериную шерсть, под которой скрывалась белоснежная кожа. Вал отвел от нее взгляд, и повернулся к горящим зданиям.

Блики пожара отражались на его угрюмом лице, и языками пламени горели в глазах. Вал сдвинул брови, выпуская на волю нарастающее возмущение. Он злился на себя и свою беспечность. Он позволил желаниям затмить здравый смысл и окунулся в иллюзии, игнорируя реальность угрозы.

Вал вплотную приблизился к горящему зданию, любуясь таинством огня. Столько света и тепла щедро разливалось вокруг, насыщая ими скупое однообразие ледяной пустыни. Такой чужой и неуместный для вечной зимы, огонь обладал силой, позволявшей ему властвовать даже здесь. Языки пламени жадно вдыхали холодный ветер и слизывали лед с крыши. Словно голодный зверь, огонь с шипением и треском, выплевывая струи пара, взбирался по крыше дома.

«Тебя надо накормить...»

Охотник обернулся на веселый окрик. К нему бежала невероятно красивая и улыбчивая девушка с чистыми голубыми глазами. Белая приталенная куртка, облегающие штаны и высокие сапоги на меху смотрелись непривычно, но очень по-человечески.

– Как я тебе?– Аля покружилась перед ним, демонстрируя обновку.– Красавица?

– Еще какая...

– Думаю, теперь мне надо срочно замуж!– на лице девушки заиграла озорная улыбка, открыв безупречно белые зубы.– Я и тебе подобрала подходящий наряд. Все готово, осталось только погрузиться.

Она выглядела совершенно обычным человеком, разве что, чуть более искренним и открытым.

Майя долго не могла устроиться на жестком полу беспилотника, который явно не был приспособлен для транспортировки людей. Исключая инженера, остальные сразу задремали, пользуясь последней возможностью для отдыха. В салоне не было иллюминаторов, и инженер невидящим взглядом уставился перед собой, изредка шевеля губами в такт своим мыслям.

Девушка быстро пролиставла материалы папки, которую ей дал с собой полковник: маршрут, карты, описание стоянок, личные дела. Но любопытство подгоняло, отвлекало желанием прочесть рукописные страницы файла. Их было всего четыре, исписанных мелким, неровным почерком. Что-то притягательное было в них. В том, как прыгали буквы в строчках, как клонились вправо.

«...Прототип «Черная Кровь» бежал из Центра при проведении первых испытаний. Проявил необычайные свойства и признаки высокоорганизованного интеллекта. Информация о структуре и условиях создания отсутствует. Организм Прототипа представляет собой жидкую субстанцию в объеме трех кубических дециметров. Имеет ярко выраженную электромагнитную сигнатуру. Способен проникать в живые организмы и проводить их мгновенные реконструкции. Спорное авторство приписывается биоконструктору Гранковичу...».

Майя порой с трудом разбирала почерк, оставляя без внимания целые абзацы. Самым бесполезным ей показалась страница с описанием тщетных попыток захвата прототипа во время беспорядков в Минске.

«...Предположительно, Прототип является неделимым целым и лишен возможности воспроизводства. В течение первых недель существования он решил проблему бесплодия, разделившись на сорок две части – производные. Каждая была интегрирована в женскую особь, преимущественно, человеческую. Вместе с потомством производные покинули материнские организмы. Их функции в организмах носителей не установлены. Возможно, они выполняют пассивную паразитирующую роль. Организмы носителей обладают выдающимися физическими данными...».

Девушка посмотрела на монитор бортового терминала, на который беспилотник выводил информацию о маршруте и своем положении. Точка высадки была уже рядом.

«...Производные сохранили сигнатуру Прототипа. Благодаря этому существует возможность их пеленга на расстоянии до пятидесяти километров. Также выявлен узкий диапазон электромагнитных колебаний, используемый Прототипом. Создание помех в этом диапазоне способно временно нарушать его дееспособность. Расстояние для эффективного воздействия ограничено несколькими метрами...».

Майя оглянулась на монитор, и быстро пробежалась взглядом по тексту непрочитанных страниц, выхватывая отдельные предложения. Там упоминалось о том, куда рассредоточились наследники прототипа, описывались безрезультатные контакты, давались пояснения по отдельным персонажам. Девушка так и осталась в недоумении, но вчитываться было некогда – беспилотник начал снижение. Она не понимала, для чего полковник дал эту бесполезную информацию, и была этим раздражена.

Она извлекла из файла несколько карт и, старательно сложив, спрятала в герметичный карман. Поколебавшись мгновение, Майя снова открыла файл и забрала из него листки с рассказом о прототипе. В конце концов, рассудила она, полковник приложил массу усилий, чтобы дать ей эту информацию. Возможно, ее ценность раскроется со временем...

– Просыпаемся, подружки, – звонко скомандовала она.

Девушка грубо пнула зазевавшегося инженера:

– А ты, пассажир, прыгал раньше?

– На симуляторе, – признался тот, поднимаясь с пола.

– Тоже вариант... Здесь все просто. Тебе, главное, прыгнуть. Замок парашюта реагирует на атмосферное давление и сработает сам на тысяче футов. До его раскрытия держись лицом вниз.

Майя придвинулась к люку и ухватилась за рычаг. Она окинула взглядом свою команду, которая сосредоточенно обступила ее:

– Я пойду первая. Прыгаем плотно. На пятки не наступать. Дистанция три секунды – не больше. Иначе нас раскидает на несколько километров. Громила, пойдешь последним. На тебе пассажир. Если не прыгнет сам – вытолкнешь. На земле – откинули парашют и двигаемся к последнему, кто сядет.

Девушка опустила пластиковый колпак шлема и, дождавшись, когда все последуют ее примеру, дернула рычаг люка. Как она и ожидала, толчок был сильным, и его инерция грубо вырвала ее наружу. Сгруппировавшись, Майя легко остановила вращение и сложила руки вдоль тела. Волнующее ощущение свободного падения захватило девушку. Это было ощущение, к которому невозможно привыкнуть и которое невозможно ни с чем сравнить.

Земля летела навстречу, сжимая горизонт. Девушка никогда не смотрела вниз – она всегда отводила взгляд к границе неба и земли, пытаясь заглянуть за край мира. Она лежала, вытянувшись на линии горизонта, который был и над головой, и под ногами. Но горизонт неумолимо сжимался, отодвигая небесную твердь, и прятал свои тайны за краем земли. Сработавший парашют вдохнул воздух и толчком перевернул весь мир, опять забросив землю под ноги и развернув небо куполом над головой.

Майя оглянулась, отметив, как раскрылись еще четыре небесных цветка, и стала отсчитывать последние триста шагов к земле. Гидра не давала возможности почувствовать касание ветра и тепло солнца, но девушка все равно ощущала дыхание поздней весны.

Высадка прошла идеально. Команда быстро собралась вместе, и к тому моменту Майя уже сориентировалась на местности. Бегло проверив амуницию, она подняла руку вверх, требуя общего внимания:

– Ну, что, девочки? Поздравляю с успешным началом, – заговорила она, не поднимая забрала шлема. Штатная связь была демонтирована, и теперь приходилось пользоваться акустической системой. – Нам предстоит до захода преодолеть почти пятьдесят километров. Идем осторожно, но бодро. Доберемся до бункера – передохнем и осмотримся.

Девушка сделала паузу, задержав взгляд на инженере, но потом решила:

– Для непосвященных напоминаю! Мы находимся в аду. Любая тварь, ползает она, бежит, или летает, большая она или мелкая – враг, который хочет тебя убить. В воздухе, воде и в земле кишат невидимые твари, которые мечтают поселиться в наших организмах и сожрать изнутри. Мы дышим, едим и пьем только то, что взяли с собой. Берегите свои гидры. Если повредите ее и увидите свою кровь, значит, вы уже мертвы. Мы идем стандартным строем – я и Блондинчик – впереди. Следом Громила, а за ним Пассажир. Замыкает Снайпер. Запомни, Пассажир, твоя задача – видеть все вокруг, видеть каждого члена команды, не уставать оглядываться. Поэтому крути башкой. Правило выживания одно. Мы первые должны заметить угрозу и первые ее устраняем. Если нам придется защищаться – кто-то погибнет. Вопросы есть?

– Есть пожелание, – глухо подал голос Блондин. – У нас есть позывные. Лучше будет...

– Мне ни к чему запоминать твой позывной, красавец, – перебила его Майя. – Мы вместе на один раз. Сделаем работу, и больше не свидимся. А до тех пор, пока вместе, будете отзываться именами, которые я дала. А теперь трогаем.

Группа практически сразу вышла с заболоченного луга широкой поймы на высокие и сухие поля, стараясь держаться открытых мест. Майя удивлялась безмятежности и спокойствию, которые царили кругом. Ей не доводилось ходить на материк глубже ста километров, а потому она слабо представляла, как выглядит зараженная территория в центре зоны. Она

готова была встретить любую угрозу, но не ее отсутствие. У рубежа, они бы уже отстрелили по меньшей мере десяток уродов. А здесь не было никого.

В голове поселилась мысль, нашептывающая, что нашествие, возможно, не такое, каким его привыкли видеть. Мутанты идут волной за людьми, а в центре материка все давно успокоилось, устоялось...

Майя гнала лишние мысли, пытаясь сконцентрироваться на реальных проблемах. Больше необъяснимого спокойствия, ее раздражал Блондин. То ли в отместку за ее слова, то ли по природному скудоумию, он постоянно нарушал строй, забегая вперед или отходя далеко в сторону. Девушка несколько раз жестом поправила его, требуя, чтобы оглядывался на остальных и держался рядом. Парень утвердительно кивал, но продолжал делать ошибки.

Вызывающее спокойствие пейзажа, неадекватность Блондина и беспорядок собственных мыслей сложились в настоящую головную боль и начали выводить Майю из себя. Она жестом остановила группу. Впереди начинался редкий сосновый лес, более пригодный для привала, но девушка была не в силах противостоять нарастающим ощущениям.

Когда все встали вместе, Майя подошла к Блондину и наотмашь ударила прикладом карабина ему по дых:

– Ты что же это делаешь, гаденыш?– зашипела она, еле сдерживаясь.– Это кто тебя, урод, так учил в группе ходить? Ты же постоянно забегаешь вперед и отвлекаешься! Ты же меня, рожа блондинистая, вообще не видишь! А тем более остальных! Мы тебе здесь что? Группа поддержки? Сколько у тебя ходок на территорию?

– Больше тридцати...– с трудом перевел дыхание разведчик.

Остальные внимательно и молча слушали разговор.

– Тогда что это было?– не унималась девушка.

– Я не понимаю,– отдышался Блондин.– Я весь на взводе. За три часа, никакого движения. Даже птиц нет. Так не бывает.

Снайпер поднял ружье, рассматривая что-то в прицел:

– Он прав. Это нервирует. Здесь никого нет. А это значит, что живые эти места по какой-то причине обходят стороной. Значит, здесь есть угроза посерьезнее тех, что нам известны.

– Понимаю. Нервирует,– призналась девушка, присаживаясь на корточки.– Больше похоже на то, что здесь просто все передохли. Может это и есть венец нашествия? Глобальное очищение.

– Растения есть, мелких насекомых хватает,– неожиданно встрял в разговор инженер.– Так что передохли не все. Самое логичное объяснение дал... Снайпер.

– И какие предложения?– повысила голос Майя.– Я так и думала... Предложений нет. Поэтому выдохните и делайте свою работу. В трех километрах за этим лесом мы пересечем дорогу. Это как раз половина пути. По ней пройдем до моста, а дальше придется двигаться окраинами поселков. Так что движение я вам обещаю.

Девушка забросила карабин за плечи и вооружилась легкой катаной. Она несколькими взмахами разрубила воздух, возвращая руке ощущение самурайского меча, и уверенно тронулась к редким соснам. Остальные потянулись за ней, выстраиваясь в боевой порядок. Деревья были разбросаны широко, но их присутствие замыкало пространство и давило угрозой.

По мере углубления в лес, беспокойство Майи быстро нарастало, и, вдруг, она машинально вздернула руку вверх, сжав ее в кулак. Группа послушно замерла, оглядываясь по сторонам.

Девушка почти ухватила за источник опасности – она почти разгадала его. Он был совсем рядом и чем-то выдал себя. Звук? Движение? Тень? Ее интуиция и рефлексy на что-то отреагировали, но разум не поспевал. И чем больше Майя подгоняла свои мысли, тем дальше пряталась от нее разгадка.

Первым не выдержал Блондин. Он повернулся спиной к остальным, и медленно пошел вглубь леса, который стал заметно плотнее. Даже редкие колоски травы, пробившейся через плотный ковер мха, стали чаще, едва раскачиваясь не в такт ветру.

Колоски! Озарение накрыло волной, даже не открывшись до конца, и перехватило дыхание. Это было то озарение, когда еще не понимаешь, что произойдет, но уже принимаешь его неизбежность. Вот о чем пытались предупредить ее инстинкты, вот о чем они не смогли докричаться.

Блондин сделал следующий осторожный шаг и коснулся одного из тонких колосков...

Стоявшая рядом сосна, вдруг, беззвучно переломилась и обмякла. Изогнув подковой гибкий ствол, она уронила крону прямо на разведчика, обхватив его тело ожившими в движении ветвями. Это были не ветви, а причудливые щупальца, которые извивались и цепко сжимали жертву. Ствол дерева совсем потерял жесткость, сложился кольцами и, выворачиваясь, стал быстро втягиваться в землю. Колоски в радиусе десяти метров от него трепетали и льнули к центру, выдавая свое родство с гибкой тварью.

Прежде чем Майя успела сделать первое движение, она услышала два характерных щелчка. Выстрелы большим калибром снайперской винтовки взрыхлили плоть ложной сосны, вырвав из нее целые куски. Но явного вреда не причинили. Старательно избегая касаний колосков, девушка приблизилась к заплетенному щупальцами Блондину в момент, когда уже большая половина червя скрылась под землей. Даже не пытаясь приблизиться к шевелящейся кроне, она наотмашь ударила катаной по стволу у исчезающего в земле основания.

Волна прокатилась рябью по близлежащим колоскам. Узел щупалец, некогда бывший кроной, резко взмыл вверх, подымая высоко над землей неподвижную жертву. Ствол брызнул серой пеной в месте глубокого пореза и переломился в нем, плашмя уронив на землю всю свою массу. Змеевидное тело расстелилось по земле, закружилось в конвульсиях.

Девушка, сделав широкий замах, нанесла повторный удар в то же место, перерубив червя окончательно. Обрубок, торчавший над поверхностью, с чавкающим звуком нырнул под землю, всколыхнув почву заметным толчком. Отрубленная верхушка дерева вздрагивала угасающими спазмами, разбрызгивая срезанным краем пену, но жертву не отпускала.

В следующее мгновение она, видимо, коснулась колосков соседнего червя, и уже вторая сосна, выгнувшись дугой, опустила свои щупальца на кокон с захваченным человеком. Не касаясь колосков и не сбавляя темпа, Майя двинулась к основанию второй сосны.

Щелкали выстрелы снайперской винтовки в поисках слабого места противника, и затихала в судорогах первая сосна, медленно разжимая объятия своих щупалец.

Девушка уже замахнулась для удара, как вдруг сосна резко выпрямилась, прижала к стволу свои ветви и в одно мгновение нырнула под землю. Это было настолько быстро и неожиданно, что Майя даже покачнулась. Исчезли и колоски у ног девушки, втянувшись куда-то под мох.

Громила уже стоял рядом с Блондином и пытался осторожно избавить его от захвата еще подвижных щупальцев. Майя не стала задаваться вопросом, что напугало вторую тварь – выстрелы Снайпера или прикосновение к телу мертвого собрата – она торопилась, потому что чувствовала вибрацию под ногами и физически ощущала массивных существ, затаившихся под землей. Она понимала, что познакомилась лишь с верхушкой айсберга, а как долго эти существа будут пребывать в страхе или растерянности, ей думать не хотелось.

– Сломаны обе ноги и правая рука. Возможно, ребра и позвоночник, – не поворачиваясь, произнес Громила, когда девушка заглянула через его плечо. – Сейчас он без сознания...

Тело Блондина было изуродовано и измято, как бумажная салфетка. Гидра была повреждена и изорвана местами в клочья. Из открытых ран на ногах выпирали обломки костей.

– Хорошо, что без сознания.

Майя одним движением, чтобы не было места для лишних мыслей, перехватила из-за спины карабин, на ходу сорвав предохранитель, и выстрелила. Громила успел отскочить и отвернуться в сторону. Девушка не видела реакции остальных, но была уверена, что Снайпер под забралом шлема сдвинул брови и смотрит ей в спину с нескрываемой злобой, а Инженер таращит свои глаза на труп Блондина, пребывая в глубоком шоке. На все это у них совсем не осталось времени.

Девушка склонилась над срубленным ей стволом и слегка коснулась его. Идеальная поверхность с самой настоящей сосновой корой – даже сейчас она не могла рассмотреть ни единого изъяна. Камуфляж был безупречным.

– Это какие-то черви, – обернулась Майя к остальным. – Они глухи и слепы, раз для охоты расставили вокруг ловушки, по которым находят жертву. Достаточно обходить их стороной, не касаясь. Мы не знаем, какая часть этих тварей скрывается под землей. Но лучше поторопиться.

– Я видел такие колоски в поле, – вспомнил Снайпер. – Они немного отличались, торчали совсем редко. Очень похожие. Мы по чистой случайности их не задели. А там, похоже, они охотятся как-то иначе. Деревьев не было.

– Какая разница? – Майя начинала терять терпение. – Загадку тишины мы узнали. Думаю, здесь на десятки километров колонии этих тварей. Чем чревата ошибка, знаем. Как обходить опасность, пониманием. Пора двигать дальше. Или тебе, Пассажир, есть что сказать?

– Есть, – глухо отозвался инженер. – Если ждете от меня истерику по поводу убийства раненого товарища, то ее не будет. А по поводу червей, я думаю, их колония располагается узкой полосой по самому краю окружности. Иначе те, что в центре будут обречены на голодную смерть – через такой лес никто не пройдет.

– К чему ты это сказал?

– Если мы пересечем эту полосу строго поперек, то преодолеем ее кратчайшим путем – думаю, пару миль. Если пойдем под острым углом, будем обходить эти ловушки миль десять.

– Он прав, – поддержал его Громила. – Мы точно высадились внутри этого стерильного круга, но как нам найти его центр?

Инженер молча постучал древком ножа о рядом стоящее дерево.

– Ты что вытворяешь, придурок?! – махнула на него Майя. – Проверяешь дерево или червь?!

– Нет, – сдержанно отреагировал инженер. – Хочу сказать, что стоит залезть на дерево и посмотреть в оптику на разброс колосков. Если удастся различить контур, найдем короткий путь.

– Тогда просто скажи, – прошипела сквозь зубы девушка. – Ты же не на презентации... стучать по деревьям не надо. Мы не знаем, как они слышат эту вибрацию. И нам нужно просто добраться до дороги. Самый короткий путь лежит к ней.

Спустя час они, порядком вымотавшись, выбрались на высокую насыпь грунтовой дороги, что для болотистой местности было более чем оправданным. Майя еще не успела осмотреться, как ее внимание привлек тихий угрожающий рык. Всклокоченная лисица стояла на дрожащих лапах на краю насыпи, злобно сверкая глазенками на непрошенных гостей. Ее непропорционально длинный язык свисал почти до самой земли, а пасть истекала обильной слюной.

Девушка быстро вскинула карабин и положила пулю прямо между сверкающих глаз зверя. Подброшенная в воздух лисица несколько раз перевернулась и замертво упала в дорожную пыль. Две бесформенные крылатые тени мгновенно вынырнули из зеленки близлежащих кустов и утащили добычу прежде, чем дымящаяся гильза карабина успела выдохнуть остывший дымок пороховых газов.

Мая улыбнулась и прошептала себе под нос:

– Ну, вот... Теперь все, как надо...

Глава Вторая

Узкая дорога рассекала шевелюру лесных зарослей тонким шрамом. Она осталась бы неприметной тропинкой или заросла ползучей зеленью, если бы кто-то заботливо не ухаживал за ней. Кусты и деревья по обочинам нещадно вырубались, а высокие травы жглись. Пятна старых и свежих кострищ лежали вдоль дороги свидетельством чьего-то кропотливого труда. Благодаря этому лес хорошо просматривался на добрую сотню шагов вглубь и уже не мог утаить зверя или иной угрозы путнику.

Оррик шел во главе процессии, изредка заглядывая вглубь леса. Он оставался сосредоточенным, как и требовалось от него. Но мысли были тяжелыми, нагнетающими горечь раздумий. Возвращение с охоты несло печаль, а на волокушах рядом с добычей лежали тела погибших. Оррику предстояло смотреть в глаза их матерям и женам, говорить о смерти, пить скорбное вино.

Его сжигала не боль утраты, а гнев, отрицающий напрасную смерть, когда цепочка оплошностей слагается в необратимую трагедию. Он не знал своей вины, но нес ее, как и подobaет сыну вождя, старшему среди охотников. Сегодня не было сделано ошибок: загонщики были опытными и действовали умело. Просто пришло время оплатить лесным богам право охоты.

Оррик уже узнавал иные из деревьев. В детстве ему довелось изведать все прилегающие окрестности, и было в них примечено многое, что могло свидетельствовать его смелые ребячества и шаловливые подвиги. Селение было рядом, и ноздри уже различали знакомые запахи.

Он обернулся, чтобы встретиться взглядом с собратьями. Почти три десятка охотников, большинство из которых были впряжены в волокуши, встали, читая его взгляд. Оррик поднял копьё над головой и молча опустил его вниз, склонив острие к земле. Они беззвучно повторили жест. Копью должно смотреть в небо, только когда душа охотника торжествует. За поворотом откроется частокол селения, и дозорные должны увидеть опущенные копьё, чтобы охотников встретили подобающе – без торжеств и радости.

Дорога скользнула к песчаному берегу узкой реки и разлеглась широкой поляной. Только когда вся растянувшаяся процессия во главе с Орриком сошла с дороги на поляну, дозорные на другом берегу, опустили мост. Мост не только открыл путь через реку, но и раскрыл широкую браму в частоколе стены между двух дозорных башен.

Охотников встречала Вечная троица: вождь, старуха и шаман – воплощения власти Силы, Жизни и Веры. Оррик единственный перешел мост и склонился перед троицей на пороге:

– Я принес, к радости народа, добычу и трофеи охоты с южных земель. Но принес и печаль матерям.

Шаман сделал шаг навстречу охотнику:

– Тела всех ты возвращаешь домой?

– Да. Трое нуждаются в упокоении.

– Хорошо. Пусть они первыми войдут в родные дома, – громко возвестил шаман и, обернувшись к старухе, поднял руку над головой. – Женщина, прими этих сыновей. Пусть женские руки отнесут их в родные дома для омовений и прощания. К закату сложим костры вознесения, и, когда ночное небо откроется глазами наших предков, освободим в огне души павших.

Шаман повернулся к охотникам, выжидавшим на другом берегу, и грозно продолжил:

– Эта добыча не осквернит наших домов, пока сгинувшие не обретут покой. Всякий, кто пришел с ней, дождется пламени костров вознесения, прежде чем перейти мост. Дождись, Оррик, и ты за стеной, пока деяния ваши, виновные или нет, будут очищены.

Шаман степенно удалился, ведомый святыми мыслями. А Оррик, не знавший уважения к нему, не проявлял того внешне и покорно вернулся к товарищам, чтобы ожидать с ними.

С уходом жреца женщины, молодые и старые, гурьбой устремились по мосту, непрерывно причитая и стеная. Они подхватили тела мертвых и, производя траурный шум, унесли в селение. Охотники, оставшиеся за стеной, расположились для ожидания, развели костры, и вели себя сообразно случаю.

Джиррар, отец Оррика, дождавшийся, пока суета встречи улеглась, спустился по мосту на широкую поляну. Он приветствовал нескольких охотников, справился у иных о делах, прежде чем подошел к сыну и сел рядом у огня:

– Шаман прав. Традиции почитать надобно. В том я его всегда поддержу.

Оррик промолчал, глядя, как языки пламени танцуют на сухих поленьях, занимаясь жарким костром.

– Я вижу большую удачу,– продолжил Джиррар.– Вы добыли матерого паука. Были времена, когда одна такая тварь уносила половину племени, а наши предки прятались от них по норам. Теперь у каждого охотника и воина есть доспехи из паучьего панциря. Ножами из их жвал наши женщины разделявают шкуры...

Оррик поднял глаза на отца, и в них был вызов:

– Меня печалит гибель друзей. Но схватка была честной, а противник достойным. Это хорошая смерть для охотника. Иное тревожит меня. Мы встретили паука совсем близко – даже не перешли Большую реку. Это была самка, а ее сумки пустые и уже подсохшие. Если она сделала кладку на этом берегу, то беда поселилась у наших ворот.

– Ты видел паутину в лесу?– нахмурился Джиррар.

– Нет,– признался Оррик.– Паучиха ее не ставила. А выводок еще слишком мал. Сейчас они размером с кулак, жрут мелких насекомых и друг друга. Но к концу луны останутся сотни две самых сильных. Они будут уже крупнее лисицы и начнут ставить паутину. Если к тому времени, мы не очистим от них лес, времена, когда мы прятались в норах, вернуться.

Вождь вздрогнул от дерзости сына, но сдержался:

– Мне не нравятся твои слова!

– Утром я возьму опытных разведчиков, солонины на неделю, и отправлюсь искать выводок. Только, когда я буду знать, что ни одной твари нет рядом, спокойствие вернется ко мне.

– Ты не пойдешь утром на юг. Ты отправишься на север, в разрушенный город. Ольга приходила вчера, просила о помощи. Этот долг мы должны вернуть скорее.

– Отец,– глаза Оррика сверкнули, выдавая искренний испуг. Он понимал, что его планам не суждено сбыться, но не мог принять неизбежность этого.– Нет ничего важнее паучьего выводка!

– Ты прав,– быстро остановил его отец.– Наши уголья богаты к востоку и западу. Даже с севера твой брат принес вчера хорошую добычу олениной, дичью и железом. Но на юге лежат опасные земли, где место моим воинам, а не твоим охотникам. Я сам завтра пойду на поиски выводка. А ты вернешь долг Ольге.

– Отец...– упрямо застонал Оррик, вызвав гнев Джиррара.

– Уймись,– тихо, но грозно перебил он сына.– Твоя заносчивость соперничает только с твоим увлечением южными землями. Детские сказки твоей матери о южных племенах слишком затуманили тебе голову. У нас достаточно соседей, живущих окрест. И с ними уже тяжело делить земли для охоты, чтобы искать новых едоков. На юге много опасного. Оттуда приходили самые жуткие твари, которых рожала земля. И если бы не Паучий лес на том берегу Большой реки, неизвестно, сумели бы наши предки выжить. Когда пауки обосновались там, у нас остался единственный враг, могучий, но известный нам. Пауки стерегут наши южные границы от большой беды, неведомой. И пока мы умеем жить рядом с ними, пусть так все и остается.

Оррик с трудом сдерживал свое негодование, переживая самый трудный день в своей жизни. Он громко сопел, раздувая ноздри, пытаясь проглотить безадресный гнев. Когда отец упомянул о матери, молодой охотник не удержался и вынул черный нож из паучьего жвала –

изогнутый, невероятно острый с елочкой зазубрин по внешнему краю. Нож был подарен отцом на совершеннолетие и в искусной инкрустации наставлял мудрость предков.

Оррик, с силой сжимая нож, чтобы подавить дрожь в руках, резко провел лезвием по своему левому предплечью. Боль пришла как избавление, а с кровью через рану вытекал гнев.

– Ты почтешь мою волю?– спросил вождь, спокойно наблюдая за ранением сына.

– Я отправлюсь на рассвете, и послезавтра вечером буду у ее порога. Я верну долг, и тебе не будет стыдно за меня.

Джиррар потеплел взглядом и приобнял сына за плечи.

– Я рад, что за удачу на охоте не ты заплатил жизнью. Пока ты молод, в крови горит много желаний. Но ты научишься их умирять, а к силе и уму добавишь мудрость. Тебе предстоит править народом и нести за него вину. Я хочу, чтобы ты помог Ольге не с того, что она легенда, и наш народ обязан ей. Она попросила впервые за годы... Ты не помнишь, но Ольга выпестовала тебя. Она ухаживала за твоей матерью последние луны ее жизни, смягчала ее боль, хранила твою жизнь. Ты прожил с ней почти год, прежде чем вернулся к мамкам, братьям и сестрам... Она не чужая тебе... Ты вспомнишь, когда встретитесь.

Оррик спрятал нож, зажал рану ладонью, и, повернувшись к отцу, сдержанно поклонился. Он отдал дань уважения, строго следуя традициям, и молча пошел к костру товарищей, унося свои раны с собой. Джиррар провожал его отеческим взглядом, едва скрывая улыбку. Он был горд за сына, узнавая в нем себя и угадывая великого вождя, который будет править мудро и твердо.

Оррик никогда не признавался в этом, но он помнил Ольгу. Помнил ее запах, голос, прикосновение рук. Помнил ее сказки и странные, но приятные слуху интонации... Он не помнил своей матери, но помнил Ольгу.

Предстоящая встреча была для него волнительной.

До старых армейских складов группа Майи добралась уже затемно и без приключений.

Им еще несколько раз пришлось прибегнуть к оружию, но это были скорее упреждающие действия, нежели реальная угроза. Девушка отметила для себя совершенно иное течение жизни в глубине зараженных территорий. Здесь тоже были в изобилии мутанты, новые существа, странные растения, но не было вездесущей опасности, истерии схваток и непрестанной борьбы за выживание. Здесь было намного спокойнее, чем на рубежах периметра. А еще здесь не было людей.

Майя обязательно увлеклась бы размышлениями об этом удивительном несоответствии, но ее мысли постоянно возвращались к исписанным страничкам в кармане. Что-то беспокоило в них, приковывало внимание. Вспомнилось упоминание о Городе Света, куда Насфера пыталась безуспешно проникнуть на протяжении многих лет. Провалились все миссии вооруженного проникновения и попытки внедрить шпионов.

Город... Шпионы... Провалы... Эта информация не укладывалась в ее систему знаний о нашествии и заброшенных землях, где жили только монстры и уроды. Из сообщения следовало, что на материке существуют заселенные города, которые живут и способны годами сопротивляться Насфере. Майя часто встречала на рубежах обращенных – людей, подвергшихся мутации. Это были настоящие уроды, животные, лишённые всего человеческого. Они были начисто лишены разума – мерзкие и безмозглые твари, только внешне напоминавшие людей. Кто мог населять города, о которых упоминал полковник?

– Готово!– инженер выпрямился и отошел от замка.– Дверь в бункер разблокирована. Магнитные замки я отключил. Можем входить.

Майя выключила фонарик, а когда остальные сделали то же, погружившись в кромешную тьму, легонько похлопала Громилу по плечу. Получив команду, здоровяк подошел к брониро-

ванной двери и ухватился за железное колесо ригельного замка. Дверь заурчала глухими звуками, выдавая работу скрытых механизмов. Когда был сделан последний оборот, прозвучал хриплый вздох, и воздух с шипением вырывался из-за двери. Это был хороший признак, указывающий на разницу давления: помещение оставалось герметичным и могло стать хорошим убежищем.

Когда Громила с усилием потянул на себя дверь, Майя беззвучно скользнула в образовавшийся проем, нащупывая стволом карабина опасность. Какое-то время она вслушивалась в тишину, а потом сломала несколько трубок химических фонарей и забросила их далеко от себя.

Огромное сооружение медленно заполнилось тусклым светом, который был не способен дотянуться до высоких потолков и краев ангара. Помещение было заставлено не только стеллажами и ящиками – рядами стояли зачехленные броневики и грузовые автомобили.

– Ого, – Майя несколько раз повернулась вокруг своей оси. – Не знаю, как к нашествию, но к войне эти ребята хорошо подготовились.

– Индикаторы чистые, – сообщил Снайпер. – Если я правильно читаю цвета этих трубочек, здесь нет заражения, и воздух чистый. Можно снимать шлемы.

Он протянул девушке несколько одноразовых тестеров воздуха.

– Вентиляция не работает, – напомнил инженер. – Мы в замкнутом пространстве...

– Поверь, на ночлег, нам хватит кислорода, – перебила его девушка, снимая шлем. – Запашок еще тот, но дышать можно. Прикройте дверь, но не на замок. Соорудите какую-нибудь растяжку на входе и пройдите по этим закромам. Нас интересует только еда. Я подежурю у входа.

Когда остальные разбрелись изучать содержимое склада, Майя разложила на полу перед собой карты и описание стоянок. Но, игнорируя их, сразу углубилась в недочитанные страницы полковника.

«...прилегающие к городу поселки... городские рынки... переговоры провалились... торговый караван...»

Девушка торопливо убрала странички в карман, словно они жгли руку, и уставилась невидящим взглядом в разложенные перед ней карты. Что ей хотел сказать полковник? То, что реальная ситуация на материке в корне отличается от официальных сводок? Здесь есть города, они населены и живут. Но как? Кто эти выжившие, и почему она их не встречала на рубеже? Или встречала? Неприятная догадка вспышкой ослепила сознание. Майя представила, что обращенные были разумными, просто заболевшими людьми, которых она убивала как прокляженный скот.

Паническое возбуждение постепенно отпустило, и девушка вспомнила многочисленные эпизоды, которые не оставляли сомнений в том, что обращенные не были разумными, а тем более людьми. Большинство из них гибли из-за собственной нежизнеспособности. Но это означало, что помимо обращенных, есть и другие. Возможно, кто-то обладает иммунитетом к чуме. От осознания этой догадки перехватило дыхание, а мысли растерялись в нагромождении противоречий.

«Причем здесь прототип и его производные? Это не болезнь, и лекарства не будет. А иммунитет? Или прототип и есть лекарство? И он возрождает города к жизни? Где здесь ближайший крупный город?»

Девушка раздвинула кары, забежав по ним глазами.

– Зачем нам крупный город?

Майя вздрогнула. Снайпер держал в руках огромную картонную коробку и с недоумением смотрел на девушку.

– Источник опасности, – собралась она. – Маршрут, который нам дали, сомнителен. Я работаю над этим.

Снайпер с грохотом бросил коробку на пол:

– Тогда мне есть, что показать по этому случаю!

Сверкающие глаза выдавали его возбуждение. Майя с недоверием посмотрела на рассыпанную перед ней коробку с консервами. Проследив ее взгляд, Снайпер поморщился:

– Да нет... Это просто консервы. Здесь провизии для целого города на несколько лет. И еда не идет в сравнение с тем, что мы едим. Я не об этом, – он присел рядом с ней и ткнул, не глядя, в карту. – Мы можем круто пересмотреть маршрут. Здесь есть внедорожник разведки. Маленький, бронированный, вооруженный, с химическим двигателем, бесшумный и герметичный... Инженер уже ковыряется с ним. Сказал, что часа за три однозначно приведет его в рабочее состояние.

Девушка смотрела в глаза Снайпера, постепенно избавляясь от посторонних мыслей и погружаясь в смысл услышанного.

– Покажи, – она решительно поднялась, поспешно сгребая свои бумаги.

– Это не типовая модель, – комментировал инженер, что-то подкручивая под капотом. – У нас на вооружении таких нет. Очень качественная и, думаю, дорогая вещь. Если бы была инструкция, я бы расконсервировал его быстрее, а так займет пару часов. И знаете, какое у нее неожиданное достоинство?

Он выглянул из утробы машины, чтобы заглянуть в глаза Майе:

– В ней вообще нет электроники! Вся автоматика на микромеханике и гидравлике. Даже стартера в привычном понимании нет. Просто уникальная вещь... Не боится радиации, электромагнитных импульсов, не излучает тепло, не отражает радиоволн...

– Короче! – Майя вплотную приблизилась к инженеру. – Если нас «унюхает» враг, к которому мы должны забраться незаметно в самую пасть... нам конец! Чтобы нас никто не мог отследить, мы сделали крюк и собираемся на брюхе проползти четыреста миль. А теперь скажи, мы сможем без риска пересечь в эту тележку? Цена ошибки – наши жизни. Вспомни Блондина...

Инженер уверенно выдержал взгляд девушки:

– Я так скажу. Нас пешком со спутника отследить проще, чем в этой тележке. Ее задумали очень умные люди с единственной целью! Сделать скрытной и незаметной. Мы смело можем подобраться не только за сорок миль от цели, но и в зону прямой видимости.

Майя обошла внедорожник.

Матовая поверхность имела неопределенный цвет между темно серым и насыщенным зеленым. Возможно, он был хамелеоном и мог подстраивать цвет под окружающую среду – эта технология существовала и двадцать лет назад. Корпус имел сложную форму с угловатыми линиями, но при своей агрессивности выглядел эстетично и даже казался красивым. Окна, абсолютно прозрачные изнутри, снаружи оставались непроницаемыми и матовыми, сливаясь с корпусом. Помимо обычных дверей, у внедорожника были два дополнительных люка: сверху и снизу. Верхний имел крепления для турели или пулемета.

Майя еще раз заглянула в просторный салон. Автомобиль идеально подходил для целей миссии, и девушка задумалась. Записки полковника, уникальный внедорожник – странные совпадения, которые начинали беспокоить. Девушка не любила загадок и сюрпризов. Она сомневалась.

– Топливных картриджей, если не брать запасных, хватит прокатиться туда и назад, – не унимался инженер. – Три оси, широкая база, амфибия. Можем ходить болотами и форсировать реки...

– Хватит, – махнула рукой Майя. – Грузите тележку едой. По крайней мере, голодать не придется. И запасные картриджи лишними не будут. Раз у нас большие карманы, натолкаем в них побольше...

Пока инженер возился с внедорожником, а Громила его загружал, девушка и Снайпер склонились над картами, прокладывая новый маршрут. Его предстояло строить с учетом дорог.

– Маршрут почти не меняется,– восхищенно заметил Снайпер.– Через те же стоянки пройдем.

Девушка тоже это заметила, но ни удивления, ни восторга не испытала.

– Едем сюда,– она указала на хутор в стороне от одной из крайних точек маршрута.– Если обойдемся без приключений, тихим сапом доберемся к вечеру. Сэкономим неделю, и у нас будет достаточно времени осмотреться, чтобы аккуратно пройти последние двадцать миль.

Внедорожник вздрогнул и еле заметно завибрировал. Двигатель работал беззвучно, а реактивы картриджа выгорали, не оставляя запаха. Инженер светился от радости, и его настроение постепенно передавалось другим.

– На ужин предлагаю подогреть говяжьи консервы с фасолью,– Громила церемониально разложил на цементном полу перед автомобилем разнообразные консервные банки.– А на десерт рекомендую ананасы и персики.

– Ничего себе!– присвистнул снайпер.– Какая, говоришь, вместимость у нашей тележки?

Майя улыбнулась, ощущая прилив бодрости. В конце концов, если не считать гибели Блондина, все складывалось лучше, чем представлялось сначала. И даже то, что нашествие обнаружило какие-то тайны, еще не означало беды. Чтобы выживать в этих землях, нельзя поддаваться унынию. Девушка это понимала и жила удачей одного дня. А день был удачным.

– Веселитесь, девочки,– буркнула она.– Я выгляну наружу и осмотрюсь. Может, поставлю пару растяжек. И не расслаивайтесь долго. Подъем будет ранний... Моя вахта первая.

Звездное небо в своей чистоте было глубоким и объемным. Только в прохладные и безоблачные ночи можно было так отчетливо видеть звезды, различать надорванный шлейф Млечного пути в россыпи сверкающих огней. Кто-то в Млечном пути видит ребро Галактики, на окраине которой горит желтый карлик, именуемый Солнцем. Кому-то видится молоко Геры, брызги которого упали на небесную твердь, когда богиня отвергла от груди чужого младенца – так Зевс обманом хотел подарить бессмертие Гераклу, рожденному от смертной женщины...

Но девушка видела Пустоту и падающие в ее бездну миллиарды звезд. С детства, которое было в избытке заполнено одиночеством, она часто направляла взгляд в ночное небо. В отличие от сверстников, она любовалась не звездами, а всеобъемлющей пустотой, которую большинство ценителей звездного неба не замечали, воспринимая лишь фоном для сверкающих огоньков. Майя чувствовала глубину этой пустоты всегда: за занавесом матовой синевы в солнечные дни, или за покрывалом серых туч в непогожие. Но ночью она могла видеть ее, касаться вытянутой рукой.

Несколько звезд моргнули, скрытые на мгновение тенью крылатой твари, которая незаметно и беззвучно скользила над головой, высматривая добычу. Майя отступила в густой мрак уходящего вниз коридора и, стараясь не производить лишних звуков, неспешно направилась к двери бункера. То, что хотела увидеть, она увидела.

Там, где звездное небо опиралось на горизонт, разделивший твердь ночи на небесную и земную, тлело зарево. Едва заметное оно вздымалось далеко на севере воздушным отражением света, рожденного на земле. Где-то там горели огни так ярко, что их свет коснулся неба и открылся глазам Майи за десятки километров.

Теперь девушка знала наверняка, что не все города были мертвы.

Оррик вышел из селения до рассвета. Он уверенно прошел Северным трактом до Поющих лугов, где выселками стояли пастухи, и располагалась легендарная дозорная башня, первая из основанных предками. Каменное сооружение хранило следы многих сражений, но по-прежнему выглядело грозным и величественным.

Дозорные смотровой площадки приветствовали Оррика с пожеланием удачной охоты. Здесь заканчивался Северный тракт и безопасная часть пути. Поющие луга с их высокими травами и густым кустарником, звеневшие разноголосицей птиц, давали начало охотничьим тропам, которые разбегались по всем северным землям. Одна из них, едва заметная, уводила в края, которых сторонились. Это была единственная из северных троп, известная Оррику. Единственная, которой ему доводилось ходить к окраинам разрушенного города.

Приходилось торопиться, чтобы засветло добраться до Спящей реки, чьи воды были столь медленными, что казались неподвижными. Сама река таила в себе опасность, но на ее берегах стояли Плакучие тополя – единственное место, способное дать убежище на ночь.

Оррик с трудом находил старые ориентиры, углубляясь в северные земли. Заросли стали гуще, и в них теперь скрывались не только потревоженные птицы. Но охотник не слишком переживал из-за хищных существ Поющих лугов, чей интерес лежал к легкой поживе мелкой дичью и кладками яиц. Преодолев пару приметных ручьев, он, наконец, приблизился к Гнилому лесу, который был для него настоящим испытанием.

Редкие чахлые деревья, прижившиеся на болотистой почве, открывали доступ солнечному свету, на встречу которому с земли вставали богатые разнообразием ягодники и сочные травы. Они привлекали оленей и прочих рогатых, а за такой добычей приходил уже свирепый хищник.

Едва ступив на мягкий мох подлеска, Оррик услышал за спиной нарастающий хруст. Он резко развернулся и выставил вперед копые, пригнувшись торсом к земле. Из зарослей выскочил огромный кабан, выбрасывая копытами комья земли. В своей стремительности он готов был валить деревья, но, увидев охотника, встал как вкопанный, угрожающе фыркая. Огромные клыки в сочетании с широкой костью и несносным нравом делали зверя сильным противником.

Оррик выгнул спину почти параллельно земле и широко отвел в стороны руки. Правой он удерживал длинное копые, методично покачивая наконечником вверх и вниз, а в левой сжимал короткий нож. Прочный хитин паучьих доспехов не только давал защиту, но и устрашал противника. Не было в округе более злобной и беспощадной твари, чем паук, встреча с которым для любого зверя означала верную гибель. Копируя паучьи повадки, Оррик резким движением сместился в сторону и слегка приблизился к кабану.

Этот маневр окончательно убедил зверя, который теперь отчетливо видел перед собой молодого паука в атакующем танце. С пронзительным визгом кабан резко рванул свою тушу в сторону и с невероятным шумом устремился напролом в густой кустарник. Из зарослей ему вторили сородичи, разбегаясь в ужасе.

Оррик поторопился убраться вглубь леса, пока потревоженные кабаны не созвали хищников всей округи. Джиррар был прав, соседство пауков пошло на пользу народу, способному не только промышлять охотой этих тварей, но и оседлать ужас, который они вселяли во все живое.

Дальнейший путь пролегал через Гнилой лес, знаменитый дремотными мхами. Огромные поляны, засланные этим ковром, таили угрозу для всякого, кто рискнет прилечь на мягкой шелковистой поверхности. Он вкрадчиво подстилался под самыми обильными ягодниками, обнимал стволы плодовых деревьев. Но стоило зазевавшемуся зверю подольше задержаться на одном месте или присесть на удобное покрывало дремотного мха, и он был обречен. Одуманный зверь засыпал, а коварный мох за считанные часы прятал его под своим покрывалом, чтобы и этот холмик через несколько дней исчез, растворился в зеленом благоухающем безмятежностью ковре.

Старики поговаривали, что дремотный мох способен подарить жертве упокоение и блаженство, которым нет пределов. А порой видели, как старый или раненный зверь сам уходил на дремотный мох, чтобы избавиться от боли и принять сладкую смерть.

Но Оррик почитал хищный мох добрым соседом за то, что тот избавил окрестные земли от плотоядных червей, которые повадились ставить искусные ловушки и извели многих из его племени. Поломанная червем, после долгих страданий скончалась и его мать. А дремотный мох быстро расправился с непрошеным гостем, забрав у него право охоты в этих землях.

Охотник ускорил шаг. Если раньше мох лежал между деревьев живописными полянами, то теперь он покрывал весь лес, насколько хватало глаз. Оррик беспокоился, что сладковатый дурман сможет добраться до него раньше, чем он до Спящей реки.

День был долгим...

К вечеру, когда Гнилой лес отпустил свои объятия, ноги уже стали ватными от усталости, и голова болела до рези в глазах. Солнце быстро клонилось к закату, а предстояло еще найти Плакучий тополь и устроиться на ночлег. Затхлый запах указывал направление к Спящей реке и ее смрадным водам, но Оррик выглядывал поверх зарослей очертания нужного ему дерева.

Вечерние часы более всего подходят для тех, кто скрывается: ночной хищник еще не вышел на охоту, а дневной уже ищет ночлег. Наконец, взгляд выхватил из пейзажа черную тень, и охотник устремился к убежищу.

Плакучий тополь всегда стоит особняком, и земля под ним черная, выжженная ядом. Мясистые листья дерева набухают влагой всю ночь, а днем тают на свету, истекая мутными маслянистыми каплями. Ни один зверь не войдет в тень этого дерева, и ни одна птица не сядет на его ветви. Но умелый охотник сможет подвязать под широкой веткой гамак, одинаково скрытый и от яда, и от зорких взглядов.

Оррик присел возле дерева, вслушиваясь в затихающую с закатом капель листвы. Яд не был смертельным, но оставлял сильный и болезненный ожег, который потом не сходил целую луну. Даже паучьи доспехи могли расплавиться от слез Плакучего тополя.

Охотник подвязал к подошвам охапки трав, чтобы влажная ядом земля не съела башмаки из суровой кожи. Постоянно вслушиваясь в звенящую тишину вокруг, он извлек из заплечного мешка гамак и неторопливо его развернул. Его слух ловил не только редкие удары капель плачущего дерева, но и иные посторонние звуки, рождаемые травами, ветром и близкой водой.

К открытым берегам больших рек льнули крылатые ящеры, которым было раздолье для полета и разнообразие в охоте. Обычно они кочевали вдоль рек крупными стаями, вычищая все на своем пути. Не отходили далеко от рек и лисы с волками, способные на открытых поймах загнать мелкого грызуна и матерого лося.

Оррик уверенно ступил в тень дерева и, уцепившись за кряжистый ствол, стал быстро взбираться по кривым ветвям в поисках подходящей. Приходилось спешить, потому что тьма подступила вплотную, и ориентироваться в ядовитой кроне становилось трудно. Выбрав, наконец, подходящую ветку, охотник ловко закрепил под ней гамак, и одним движением скользнул в него.

Он мгновение вслушивался в тишину, а затем сбросил с себя напряжение и груз беспокойства. До утра он был в абсолютной безопасности. Его мышцы расслабились, а сознание стало проваливаться в негу спокойствия навстречу ярким снам.

Оррик не сопротивлялся. Он хотел поскорее расстаться с прошедшим днем, хотя день грядущий не сулил ему лучшего. Предстояла самая опасная часть пути. За мостом, что уже в паре тысяч шагов, начинался пригород разрушенного города, места гиблые. Меньше всего охотник хотел встретить собак. Эти твари были свирепыми как волки, но хитрее, а сражались отчаянно, готовые к смерти. В схватке с псами либо убиваешь их, либо гибнешь.

Но это были трудности предстоящего дня, и охотник спокойно заснул, наслаждаясь тем, что имел сейчас.

Ольга услышала гостя загодя.

Она набросила длиннополый плащ и спешно вышла навстречу.

Ветер с порога подхватил полы одеяния, развернув подобно крыльям, обнял женщину и запутался в ее волосах. Ольга двигалась по безлюдному поселку быстро и уверенно. Неугомонный ветер пытался с ней играть, кружа пыль у ног и подбрасывая с земли перезимовавшую листву. Но женщина не была расположена к забавам и сохраняла сосредоточенность. Ветер разочарованно вздохнул, разбросав своим порывом мусор у обочины, и с ворчанием улегся в переулках.

Поселок, в котором жила Ольга, заметно выделялся на фоне остального пригорода. Он был пустым. А бушевавшая вокруг жизнь старательно обходила стороной эту группу домов. Даже трава стелилась здесь ниже, сдерживалась в красках.

Ольга нахмурилась и перешла с быстрого шага на бег. Она спешила встретить гостя, который уже привлек внимание соседей. Женщина сделала несколько затяжных прыжков и взмыла в воздух, широко расставив руки. Она летела. Распахнутый плащ затрепетал за спиной, а земля стремительно понеслась под ногами.

Заметив гостя, она спикировала в гущу схватки.

Три полуметровые осы кружили вокруг гигантской крысы, стоявшей на коротковатых, но мощных задних лапах. Крыса, ростом не менее полутора метров, конституцией тела больше походила на человека, чем на своих предков. Эту схожесть подчеркивали черные доспехи, искусно сделанные из фрагментов паучьего панциря, и копьё, которым гигантский грызун ловко орудовал, отбиваясь от атакующих ос.

Ольга с резким выдохом опустилась на землю в нескольких шагах от драки, принеся с собой порыв ветра, который ударил в землю и высоко поднял фонтан пыли. Этот порыв отбросил ос в сторону, и те, повинувшись инерции, устремились прочь, затерялись в прилегающих развалинах.

Крыса, восстанавливая тяжелое дыхание, опустила копьё и повернулась. Ольга выпрямилась после эффектного приземления и разомлела в улыбке, встретив взглядом гостя:

– Как же ты вырос, Оррик!– воскликнула она и, захватив грызуна объятьями, легко подняла над землей, закружила.

Охотник достойно выдержал проявление человеческих эмоций и, оказавшись снова на земле, поторопился подобрать выпавшее, было, копьё. Женщина откровенно его рассматривала, выражая бурный восторг:

– Тебе уже почти четыре года! Какой красавец! В этом возрасте твой дед уже имел два десятка детишек... Правда он мне едва по пояс был... А ты почти до плеча достаешь... Твои внуки и вовсе выше меня будут... Какой красавец... Ты хоть помнишь меня, Оррик?

– Приветствую тебя, Ольга,– наконец произнес охотник, обнаружив в голосе излишество шипящих звуков.– Я часто тебя вспоминал.

Ольга хлопнула в ладоши, спохватившись:

– И что я тебя здесь держу? Ты же устал с дороги! Как добрался?

– Ты живешь в труднодоступном месте,– аккуратно подбирал слова Оррик.

– В том и смысл,– призналась женщина.– Беспокойных соседей я держу на расстоянии. Дом они хорошо стерегут от незваных гостей. А званых я стараюсь сама встречать... Я к твоему приходу кое-что вкусное выменяла! Пошли скорей в дом – тебе надо отдохнуть с дороги.

Ольга не стала досаждать гостю лишним вниманием, дав ему умыться, перекусить, и уложила спать. Проснулся Оррик поздним утром, когда солнце стояло высоко – организм взял свое, восстанавливая силы. Пробуждение было приятным, заполненным детскими воспоминаниями. Только проснувшись, он понял, что сделало утро таким особенным. Запах яичницы с обжаренным беконом и полевым луком когда-то часто его будил, заставляя расстаться с уютной постелью и встретить новый день любимым завтраком. Этот аромат и сейчас заставил его выйти на кухню.

– Я знала, как тебя поднять,– улыбнулась ему навстречу Ольга, выставляя еду на стол.– Как спалось?

Оррик кивнул головой и приложился к бокалу холодного морса. Все было как в детстве.

– Тебе нужна была помощь,– напомнил он о причине своего визита.– Это срочное?

– Как и все заботы... Но потерпит до конца завтрака.

Ольга с умилением наблюдала за тем, как ест ее воспитанник, теряясь в воспоминаниях.

Крысы были в числе первых, кто изменился. Но люди в те времена сами обращались в зверей и теряли рассудок, чтобы заметить, как у них под ногами завелись разумные твари. Крысы прошли свой путь эволюции мгновенно, делая невероятные скачки в развитии от поколения к поколению. Тем более что век их был недолог, а плодовитость высокой. Историческая неприязнь людей к крысам была взаимной, и племена новых разумных существ поспешили убраться подальше от людских глаз, переселившись в быстро дичавшие леса.

Ольга тоже никогда не узнала бы о существовании расы родентов, если бы не была частью их культа. Одна из первых матерей, которой был дарован свет разума, увидела в женщине божественное присутствие. За какие заслуги и как ее произвели в языческое божество, Ольга не знала. Преследуя, однажды, большую и проворную крысу, она в пылу погони ворвалась на собственное капище. Тогда ей и открылась тайна существования родентов и то место, которая она занимала в их культуре.

С тех пор она привязалась к этому народу, и даже какое-то время прожила с ними, стараясь передать полезные знания. Однако ноша живого божества оказалась непосильной – слишком много вопросов и проблем адресовали ей. Ольга поняла, почему древние боги сторонились людей, и оставила родентов, предпочитая лишь изредка проявлять участие в судьбах некоторых.

Оррик отстранил пустую тарелку, и церемониальным поклоном поблагодарил женщину.

– Такой важный,– не удержалась Ольга и рассмеялась.– А был милым пушистым комочком!

Охотник опустил глаза в пол. Ему, взрослому мужу, было неловко от проявлений женщины, которая по-прежнему видела в нем ребенка:

– Мне тоже дороги воспоминания. Но я пришел, чтобы помочь. Расскажи.

Ольга откинулась на спинку стула и внимательно посмотрела на Оррика. В ее глазах читались сомнения.

– Расскажи лучше ты мне, что знаешь обо мне и моей семье.

Родента не смутил вопрос, словно он ожидал его:

– Ты хочешь знать слова моего отца или тебе нужна песнь шамана?

– Интересно,– подняла брови женщина.– А у шамана своя версия?

– Конечно. Три Власти над нами. Власть Силы у вождя, власть Жизни у женщины, и власть Веры у шамана. Вечная троица. Вождь правит народом, ведет войну и охоту, дает законы и заключает союзы, судит. Женщина властна давать жизнь, она рождает, она умиротворяет, она проводит на костер вознесения. А шаман помнит историю, чтит традиции, толкует знаки и говорит со звездами – душами предков.

– И у каждого свое представление о том, кто я?

– У каждого свое отношение к тому, кто ты,– осторожно поправил Оррик.– Женщины любят тебя и почитают, как наставляла Первая Мать Одноухая. Отец уважает, помнит твоё добро и наши долги перед тобой. А Шаман разъясняет, кто ты и откуда взялась...

– Вижу, я не достаточно внимания уделяла вашим шаманам,– улыбнулась Ольга, но улыбка ее не сулила ничего хорошего.– И что же шаманы рассказали обо мне?

– Они не рассказывают,– поправил охотник.– Они дают нам песни, которые мы запоминаем.

Оррик закрыл глаза и затянул нараспев нерифмованный текст. Женщина только поморщилась, реагируя на нескладную форму.

*«Презжие люди были злые. Им было мало власти над Жизнью.
Презжие люди придумали Смерть. И всякий живущий теперь умирает.
Тогда презжие люди сделали в земле яму.
Из грязи и камня они сотворили без рождения Кому.
Кома стал мертвым и неподвижным Богом.
Кома не принял презжих людей и сотворил из воды и грязи Кровь.
Кровь стал мертвым богом, но подвижным и неустойчивым.
Кровь не принял Кому и ушел к Презжим людям.
Презжие люди не приняли Кровь. Захотели убить его.
Кровь нашел среди презжих людей и зверей сорок две ведьмы.
Ведьмы понесли от него.
Ведьмы обрели щедрые дары и сотворили взамен для него Жизнь.
Свое дыхание Кровь отдал Одноухой. Она прозрела...»*

– Погоди, Оррик, – не выдержала Ольга музыкальной пытки. – Как я поняла, эта песнь длинная. А ты можешь пропеть мне только ту часть, которая касается меня? И, если можешь, пропой своими словами, а то нескладухи шамана травмируют мой разум.

Охотник на какое-то время умолк, вслушиваясь в собственные мысли.

– В песне говорится о несносном характере одной ведьмы, которая умеет летать...

Он поднял на женщину глаза, и Ольга, заглянув в них, едва не подпрыгнула от возмущения:

– Шельмец! Ты меня разыгрываешь, – она не могла скрыть своего изумления. – Здорово! Никогда раньше не замечала у родентов чувства юмора. А ты надо мной пошутил. Песнь шамана тоже ты выдумал?

– Нет, – признался Оррик, довольный тем, какой эффект произвел на женщину. – Песни его. Но остальные не умеют над ними смеяться. Верят в них.

– Так, что там обо мне?

– Ведьмы сильные, и они отмечены богом, – скорее рассуждал, чем пересказывал охотник. – У каждой есть свой дар. Ведьмы, как и все женщины, знают тайны Жизни. Но от того в них много желаний. От того ведьмы опасны. Их надо почитать, и держаться подальше. Он говорил, что молиться на ведьм нет смысла – они умеют слышать только друг друга, но не нас. Поэтому капища ведьм теперь заброшены. И он говорит, что у родентов нет долгов перед ведьмами. Только Кровь, отец ангелов, стоит молитвы.

– Ишь, какой ушлый шаман, – Ольга зло блеснула глазами. – А с каких пор роденты называют наших детей ангелами? Где вы вообще это слово нашли?

Оррик оглянулся на старый шкаф с книгами:

– Теперь у них много книг от презжих людей. Они читают, – в его голосе прозвучала тоска.

– А ты? – угадала настроение Ольга. – Где книги, которые я оставляла тебе?

– Я старший сын Джиррара, будущий вождь. Есть вещи, которыми я должен заниматься...

– Ерунда! – решительно перебила его Ольга и подошла к шкафу с книгами, где быстро выбрала одну. – Это Джек Лондон. Тебе понравится. Никогда не отказывайся от книг! Иначе твой мир всегда будет ограничен только тем, что видят твои глаза, а твой разум останется слепым...

Она села напротив и требовательно посмотрела в глаза охотника:

– Так что насчет ангелов? И что о моем сыне?

– Я знаю имя каждого, и имя ведьмы его родившей,– перебирал вслух Оррик.– Все ангелы разные – каждому Отец определил свой дар. Ангелы быстро повзрослели. И между ними возникло соперничество. Из-за этого ведьмы рассорились и расселились по всему миру...

– Ясно,– махнула рукой Ольга, давая понять, что дальше продолжать, смысла нет.

Она прошла по комнате, собираясь с мыслями, и остановилась у окна:

– Они, действительно, выросли быстро. Не так как люди. В два года уже были подростками, а к четырем стали совершенно невыносимыми. Первые пять лет мы жили все вместе в разрушенном городе. Это были тяжелые годы. Все вокруг изменилось, заполнилось монстрами и новыми проблемами. Военные не переставали на нас охотиться. Прежние люди, как вы их называете, были неутомимы. Они устраивали засады и атаковали нас, пытались захватить. Не было у нас ссор. Да, дети были особенные. Не потому что в них были дарования. Они были... без ограничений. Если смеялись, то до слез, если плакали, то навзрыд. Как и все дети, наверное. Но и их жестокости, их отчаянию тоже не было границ... Все познавали впервые и до самой глубины. За ними просто приходилось больше присматривать...

Ольга повернулась к Оррику, словно оценивая, понимает ли он смысл сказанного.

– Пятнадцать лет назад в разрушенном городе высадились военные,– продолжила она, всматриваясь во что-то из прошлого.– В тот раз их было невероятно много. И мы не выстояли... Погибли пять матерей... Солдаты были повсюду. Они блокировали нас магнитными ловушками, которые причиняли сильную боль. Бросали в нас гранаты, жгли фосфором... А мы рвали их на части. Это была бойня. Когда наступила ночь, военные отступили. Воспользовавшись их заминкой, большинство семей ушла из города далеко на восток.

Женщина перевела взгляд из неведомой дали на собеседника и улыбнулась ему.

– Мы с самого начала обсуждали возможность переселения в восточные земли,– она вернулась за стол и села напротив, разливая остывший чай по чашкам.– Подальше от очага заражения, всяких тварей и, как ты говоришь, прежних людей...

– Почему ты не ушла?– Оррик осторожно взял чашку и подул на нее. Роденты уважали горячее питье, воспринимая его как часть таинства. Очень любили созерцать подымающийся пар, трепетно вдыхали его. При этом решались притрагиваться лишь к слегка теплomu питью, в остальное время просто наслаждаясь церемонией.

– Я? К тому времени я уже устала от большой семьи и ее проблем. Нас было больше восьмидесяти. Большая семья. Все разные. Все сложные. Я хотела уйти и побыть какое-то время одна. Совсем одна. Вот такая возможность и представилась. Я осталась, чтобы наутро уйти в другую сторону. Так поступили еще несколько матерей со своими детьми. Но наутро военные исчезли. И никуда уходить уже не надо было. Ушли и большая семья, и угроза...

– Но как ты осталась одна?– напомнил о себе Оррик, когда задумчивость женщины слишком затянулась.

Ольга какое-то время всматривалась в охотника, словно не могла сосредоточиться и разобрать смысл слов:

– Так я зачем позвала,– наконец собралась она с мыслями.– Наша семья... мы все умеем чувствовать друг друга на расстоянии. Так, что-то сложно уловимое, неосязаемое. Кто-то делает это лучше, кто-то хуже. И недавно я почувствовала перемену. Большую беду. Я не уверена в своих... чувствах. Но беспокойство растет и съедает меня. Мне нужно отправиться на восток, отыскать других, повидаться с девочками, понять, что происходит. Это долгий путь, и я не могу уйти пока не позабочусь об одном важном деле.

Охотник отставил чашку и сел ровно, готовый слушать то, ради чего пришел.

– Мой сын, Валерий... уже давно ушел куда-то на север,– Ольга говорила медленно, подбирая слова.– Он закрылся от меня, и я не могу его чувствовать. Когда-то твой дед рассказывал мне, что у него есть связь с Валерой, что может найти его для меня. Я не то чтобы не поверила. Он был очень привязан ко мне и проявлял больше участия, чем стоило. Но когда ты ребенком

жил у меня, часто говорил во сне и рассказывал потом свои сны. Я поняла, о чем говорил твой дед. У тебя была связь с Валерой, и ты видел его глазами. Ты что-нибудь помнишь об этом?

Оррик молчал.

Больше всего в жизни он боялся того проклятия, о котором вспомнила женщина. В их роду это называли Присутствием – даром, который передала Одноухая своим прямым потомкам. Дар передавался только одному в поколении – старшему ребенку. И становился его проклятием. Оррик чувствовал не только Валерия, видел его глазами, слышал его мысли. Он чувствовал и Ольгу. Будучи ребенком, эту связь с женщиной он воспринимал естественно, почти не замечал. А яркие сны о заснеженных краях понимал, как сны и фантазии.

Но когда вернулся к родентам, был напуган Присутствием. Оррик по-прежнему ощущал мысли и чувства Ольги, словно жил рядом с ней, в ее голове. Он мог видеть ее глазами, мог переживать то, что чувствовала она, мог вспомнить то, что помнила она. Джиррар тогда объяснил ему, что происходит, и рассказал правила.

Отец считал, что роденты обрели свой разум благодаря дару Присутствия. Одноухая была первой, кто сумел войти в разум Ольги, а затем и ее сына. Но ни Ольга, ни Валерий не чувствовали постороннего присутствия в своей голове, и даже не подозревали о нем. Так и должно было остаться. Этим даром стоило пользоваться осторожно и умело, держать под контролем. Тогда он может стать источником бесконечной мудрости и знаний. Но злоупотреблять им было опасно.

Дед Оррика очень увлекся Присутствием. Он почти растворился в разуме Ольги и жил только ее жизнью. Готов был жертвовать всем ради нее. Отец сказал, что дед перестал быть собой и стал частью Ольги. И едва не погубил все племя. Джиррар считал, что большей опасностью Присутствия является не безумие увлеченного. А то, что тайна Присутствия будет раскрыта.

Могучая ведьма и ее сын жестоко стирали с лица земли тварей, которые представляли для них намного меньшую опасность. Не остановились бы они и перед родентами. Оррик научился управлять своим даром, удерживая непрерывную связь размытой тенью на краю сознания. Но сторониться Присутствия было нельзя – накапливалось возбуждение, способное взорваться неконтролируемым и глубоким контактом. Однажды это произошло, и Оррик целиком переместился в разум Ольги. Он прожил в ее теле день – охотился, ел жареную пищу, читал лиричный роман, видел ее сны. Все это время его тело, лишенное сознания, бредило под присмотром отца и мамок.

Теперь Оррик посещал сознание Ольги и ее сына регулярно. Всякий раз, чувствуя себя воришкой, он осторожно подглядывал их мысли и переживания. Родент предпочитал читать память женщины о древних временах, когда разрушенный город жил и был величественным. Это были обжигающие воспоминания. Мир прежних людей был сказочно красивым и страшным, переполненным могуществом и их нераздельной властью над миром.

– Это были сны, – возразил он. – Просто мои снежные сны.

– Ты видел в этих снах оборотня, девушку, – прищурилась Ольга. – Ее зовут Альфа. Валера звал ее Алей. Они тогда ушли вместе. Необычная девочка. Ее мать не была человеком. Она родилась от самки колли. Не все ведьмы были людьми... Я говорила, отношения в большой семье складывались сложно... Ты помнишь эти сны? Видел их потом?

Женщина говорила медленно, рубленными фразами. Она непроизвольно сжимала пальцы на руках, выдавая волнение.

– Да. Эти сны и сейчас бывают со мной. Не такие яркие...

– Что ты видел? – глаза женщины загорелись.

– Море. Ледяная пустыня. Девушка. Деревянный дом... Это сны об одном месте.

Ольга резко встала и сделала несколько быстрых шагов по комнате:

– Я думаю, у тебя есть с ним связь. И мне нужна твоя помощь. Я хочу, чтобы ты разыскал его.

Она остановилась и заглянула в глаза Оррику:

– Сегодня же я уйду на восток. А ты с моим другом отправишься дальше на север и сможешь найти Валеру. Важно, чтобы его предупредили. Важно, чтобы рядом с ним был тот, кто его защитит, приведет ко мне.

Охотник старался сдерживать желания, но слова женщины подняли в нем волну гнева и протеста. Она, как и Джиррар, решила его судьбу. Было бесполезно спорить и говорить о том, что он не знает, как искать ее сына. Оррик не просто видел решительность женщины, он ощущал ее.

– Кто твой друг, если он способен защищать ангела?– с недоверием спросил охотник.

Ольга широко улыбнулась в ответ, и теплые ощущения хлынули потоком в ее сознание.

– Ты даже не представляешь, насколько он особенный... Скоро придет человек, чтобы отвести тебя к нему. Давай я помогу собраться в дорогу. Она будет долгой. Сама я уже собрана.

Оррик сторонился Присутствия, но мысли женщины врываются в его голову. Перед ним стоял образ могучего человеческого воина, носившего имя Мазур. Охотник брезгливо поморщился, потому что образ этот раскрывался женским взглядом.

Внедорожник уверенно топтал колесами грунтовое покрытие окольных дорог. Небо с утра затянуло серыми облаками, и мелкий дождь временами связывал дорожную пыль в тонкий слой грязи. Пыль не вставала столбом позади, и это позволяло двигаться быстро и без опаски.

Громила вел машину профессионально, умудряясь в поворотах даже сбрасывать ее в управляемый занос. Он хорошо держал скорость, набирая и сбавляя ее в нужных местах так, что подвеска отработывала ухабы без лишних ударов.

Дорога становилась скучной. Маршрут покрывался легко, и это беспокоило Майю. Слишком много свободного времени для раздумий, слишком комфортная поездка. Поэтому она не удивилась, когда бойцы начали собачиться друг с другом.

Снайпер и инженер, сидевшие на заднем сидении, сперва перебрасывались ничего не значащими фразами, но постепенно их диалог становился напряженным. Девушка не вмешивалась, но незаметно для себя отвлеклась от дороги и стала прислушиваться к разговору.

– Пойми, Марек, ты все равно не жилец,– перебил Снайпер длинную речь инженера.– Ты же умный человек, считать умеешь. По статистике, из заходов в зону живыми возвращаются восемьдесят процентов. При этом семь из десяти новобранцев погибают в первых трех ходах. Эта миссия первая для тебя... и последняя. А ты даже не новобранец! У тебя вообще подготовки нет.

– Подготовка не очень помогла Блондину,– огрызнулся инженер.– Все дело в...

– Молодец, что вспомнил!– снайпер даже не попытался его дослушать.– У парня за спиной было двадцать или тридцать ходок. У него уже все было на рефлексах. И даже его Судьба достала. Из нашей миссии или не вернется никто, или выживет кто-то один. Такой расклад.

– У тебя грязный рот,– буркнул из-за руля Громила.– Лучше держи его закрытым.

– Конечно!– вызывающе отреагировал тот.– Рот закрытым, глаза в пол, руки за спиной. Мы так всю жизнь в загоне как скот стоим. Кривим рожу, когда правду слышим. Идем покорно на бойню, так еще и песни бравые надо петь.

Задевало то, что говорил снайпер спокойно и уверенно, не проявляя эмоций. И от того слова его звучали жестко и убедительно:

– Вот пошел ты, Марек, с нами за смертью. Так признай это. Прими ее достойно. Может даже, и выбери. Зачем опошлять все лозунгами? Мы же в одном дерьме копошимся.

– Я пришел сюда не за смертью,– процедил сквозь зубы инженер.– Я пришел добровольцем, без страха смерти.

– Вот те раз! Видали такого бесстрашного? Чтоб ты знал, твой страх живет без твоего желания. Он не тебе принадлежит. Это твое тело, инстинкты дают тебе страх. Это их защитная реакция, не твоя. Ты можешь цепенеть от него или пытаться давить своей волей. Есть чем давить то?

Майя вспоминала досье снайпера, которое пролистала без особого внимания. По записям, он был замкнутым и молчаливым. Первое время, он даже нравился ей на фоне остальных. Но теперь создавал неудобную ситуацию. С одной стороны, своими разговорами он расшатывал и без того хрупкое равновесие в команде. Как лидер, она должна была поставить его на место. Но личный опыт подсказывал, что вмешиваться в разборки солдат – дело неблагодарное. Если кто-то хочет высказаться, ему надо дать такую возможность, а не обращать на себя скопившийся гнев. К тому же инженер Марек был ей неприятен и внешне, и своими показательными убеждениями.

– Ты чего добиваешься?– спросила Майя, не оборачиваясь.– Хочешь, чтобы он покончил с собой или удовлетворишься его истерикой?

Пауза была недолгой. Снайпер явно выжидал ее реакцию.

– Я хочу правды. Если он прикрывает мою спину, я должен ему доверять. А как я могу верить хорошему парню, который говорит со мной как диктор из новостей? Меня уже достало вранье. Доброволец вонючий, жертва... Ты не рассказывал им про своих жену и детей? Давай, расскажи!

– Отцепись от него,– в голосе Громилы звучала угроза.

– Так я сам расскажу. Вчера он мне ныл про несправедливость и про судьбу. Его семья заживо сгорела в Шеффилдской резервации. Или вы тоже не знаете, что там произошло? За одну ночь выжгли напалмом больше ста тысяч эмигрантов. Нам рассказывают о карантине, заражении. Но все знают, что произошло! Никого не парит заражение в резервациях. Там люди с голода на колючую проволоку кидались. Ни у всех же родственники служат на рубеже, не всем такие как мы отсылают свои продуктовые талоны.

Майя знала, о чем он говорил. Больше половины территории Старой Англии была отведена под резервации для эмигрантов. Десятки миллионов людей не просто жили и умирали в нищете, они были изолированы и лишены надежды. Жизнь там была адом и во времена ее детства. Но, рассказывали, что с каждым годом ситуация ухудшалась. Единственным шансом получить гражданство и вырваться из трупоб была служба. Но не всякому вербовщики давали такой шанс, хотя новобранцы прибывали на рубеж нескончаемым потоком, принося из дома мрачные байки.

– А ты, Громила, тоже живешь по официальным сводкам?– не унимался Снайпер.– Говоришь, с братом три месяца связаться не можешь? Карантин, говоришь, в твоей резервации? Вот так всех в госпитали перевели, лекарства дают, врачи за их жизни борются, сиделки рядом... А связи лишили, чтобы пациенты не волновались, поправлялись чтобы скорее...

– Уймись, урод,– ответил здоровяк, заметно нервничая.

– Ты что так раздухарился?– вмешалась Майя, понимая, что разговор скатывается к большим неприятностям.– Электронику сняли, прослушки нет. Тебя и понесло?

Назревающий конфликт можно было погасить единственным способом – обратить ярость солдат на общего врага, и девушка сделала это, как поступала и раньше:

– Если устал жить, пусти себе пулю в лоб. А к парням не лезь. Мы все дети резерваций, из одного дерьма слеплены. Каждый сам выбирает, как это принимать. Мы выбрали службу, чтобы выжить. На рубеже только наш брат и служат. Настоящие граждане живут в тепле и уюте и ноют о том, какая мы для них обуза. Их детки, если и служат, то в военной полиции и внутренних войсках. Хочешь за справедливость побороться – иди им расскажи свою правду.

Или подайся к террористам, если духу хватит. А на своих вызверяться не стоит, если хочешь, чтобы твою спину и дальше прикрывали.

Слова Майи подействовали так, как она и хотела.

– Не пойму этих уродов,– подхватил Громила.– Столько людей в резервациях ни за что пропадает. А на рубежах нашествию противостоять уже некому. Почему не отпустить их на рубеж? Мой брат семь лет этого добивается... дать им оружие, дать шанс побороться за жизнь! И в резервациях спокойнее было бы и нашествие давно бы остановили. А так сами этот пожар раздувают.

– А я знаю почему,– сменил тему и Снайпер.– Боятся оружие в руки давать. Военной полиции с вооруженной толпой не справиться. Я семь лет назад служил в Норвегии. Там нас как раз тысяч за пятьдесят таких собрали. Так из этого бунт вышел. Все командование вырезали, стали свои правила устанавливать. Тогда эти уроды всю базу корабельной артиллерией и бомбардировщиками укатали. Там горы из трупов сложили. А ты говоришь, всех под ружье. Надсмотрщиков не хватает.

– А сам как уцелел?– напомнил о себе инженер.– Военной полиции помогал?

– Мы тогда в ходке были,– пропустил провокацию Снайпер.– Из зоны группа половиной состава вернулась. А наша база в руинах, и горы тел догорают. Военная полиция как раз остатки оборудования эвакуировала. Нас и перебросили на юг, во Францию, в карантин. Если бы на день с возвращением задержались, никого бы уже не застали.

– Повезло. Во Францию перебросили,– заметила, Майя.– Обычно они так не миндальничают.

– Знаю. У нас на руках были образцы, которые два года не могли заполучить. Миссия была удачная. Нам потом два месяца мозги полоскали... .

– Внимание, завал!– рявкнул Громила, и машина клюнула носом, резко снижая скорость.

Майя тоже заметила поваленные деревья, преграждавшие дорогу. Они были вывернуты из земли с корнями и уже успели подсохнуть, пожелтеть листвой. Упавшие деревья были значительно меньше тех, которые росли по обочинам. Густой лес подступал прямо к дороге, надежно защищая ее от ветра.

– Это не ветер,– высказал общую мысль Снайпер.

Машина застыла неподвижно в нескольких сотнях футов от завала. Майя развернула на коленях карту, быстро переводя взгляд с нее на препятствие впереди. Громила терпеливо ждал, искоса поглядывая на девушку.

– Сдавай назад,– наконец, решила она,– Мили три назад мы проехали съезд, который шел на юг. Сворачиваем туда.

Громила ловко развернул машину, веером разбросав колесами гравий, и направил ее в обратную сторону.

– Там совсем узко,– тихо произнес он так, чтобы слышала только Майя.– Опасно ехать. Это не лучший вариант объезда. Время есть, можно поискать другую дорогу.

– Это не объезд,– призналась Майя.– На карте того съезда вообще нет. Зато на юге есть речушка без названия. Если повезет, доберемся до нее. А если повезет еще раз, пройдем ее берегом до вырубки. Там есть несколько дорог.

Громила с удивлением посмотрел на девушку.

– Ничего страшного. Если придется, бросим машину,– ответила она на его взгляд.– Главное обойтись без приключений.

Напряженная поездка по узкой тропе, которую нельзя было назвать дорогой, не принесла никаких неприятностей. Внедорожник уверенно преодолевал ямы и валил кустарник на своем пути. Редкие тени, изредка мелькавшие в чаще, так и оставшись тенями, не показавшись на глаза.

Берег усохшей речушки оказался заболоченным, но открытым и уступчивым для колес внедорожника. Час бездорожья прошел в полной тишине. Солдаты не отводили глаз от окон, удерживая оружие со снятыми предохранителями. Майя наслаждалась паузой в разговорах, которые никогда на ее памяти не приводили ни к чему хорошему. Выбравшись на широкую дорогу, машина пошла легче, и Громила значительно прибавил скорость. Вечер едва заявил о себе, а до цели поездки оставались считанные мили.

– Я слышал, что Америка вдвое снизила квоты на поставку продовольствия,– сказал снайпер, подавая вперед консервы для здоровяка и девушки.– Скоро голод станет достоянием не только резерваций, но и наших старших братьев.

– Ерунда,– поморщилась Майя, раскладывая консервные банки на специальной полке между сиденьями.– Америка будет кормить нас до последнего. Им выгодно, чтобы мы умирали здесь, сдерживая нашествие у берегов Ламанша. Когда эта живность войдет в океан, им придется самим разгребаться на своем материке. А они не любят подпускать проблемы к своему дому. Никогда не любили...

Закончив трапезу, девушка прочитала остальным карту предстоящей стоянки. Место было удобным для лагеря. Небольшая группа строений располагалась на возвышении в центре широкой площадки, которая хорошо просматривалась во все стороны. Лес обступал хутор с трех сторон, а на востоке, как раз в сторону их цели, открывалась перспектива на десятки миль. Идеальные условия для пункта наблюдения. Дороги подходили с юга и запада, а лесной ручей лежал прямо за хозяйственными постройками.

Этой стоянки не было в описании маршрута – Майя выбрала ее сама. Поэтому стоило быть готовыми к любой ситуации.

– Остановишься здесь, в ста футах от постройки,– указала она здоровяку место на карте.– Двигатель не глуши. Из машины без команды никто не выходит. Никаких действий без моей команды. Если придется с чем-то столкнуться, корпус машины будет первичной защитой. Поехали.

Майя была готова ко многим неожиданностям, но не к тому, что случилось.

Едва внедорожник выехал на поляну перед хутором, им навстречу выбежала босоногая девочка лет восьми. В легком платье, с перепачканными коленками и подпрыгивающими при ходьбе косичками, она выглядела совершенно неуместно. Девочка остановилась в десяти шагах от машины и, прижимая к груди потрепанную куклу, замерла воплощением любопытства. Она с интересом и восторгом разглядывала автомобиль, шевелила губами, нашептывая что-то кукле.

– Она ведь нас не видит?– неуверенно спросил Громила.

Несмотря на непроницаемые снаружи окна внедорожника, девочка переводила взгляд с одного пассажира на другого. Это был абсолютно обычный ребенок, чумазый и жизнерадостный. Девочка посмотрела в глаза Майи и помахала ей рукой.

– Что делаем?– не выдержал Громила.

– Ты пока посиди. Остальные... осторожно выходим,– прошептала девушка.

Майя открыла дверь и встала за ней так, чтобы та загоразживала ее от окон постройки. Она держала карабин стволом в землю, готовая использовать его при малейшей опасности. А ощущение опасности нарастало, беспокоило предчувствием. Девушка сделала шаг в сторону, выходя из-за укрытия внедорожника и удерживая взгляд на ребенке. Девочка широко улыбнулась в ответ. Майя уже набрала в легкие воздух для еще не придуманного вопроса, как резкий окрик заставил ее вздрогнуть.

– Лиля вернись!

В ста футах, на пороге хозяйственной постройки стоял человек. Сперва девушке показалось, что он держит в правой руке что-то огромное, но потом поняла, что этим огромным была сама рука. Это был массивный мутант с искаженными пропорциями. Правая сторона тела

принадлежала чудовищу, покрытому наростами. Его растрескавшаяся кожа напоминала пересохшую глину, а оттого казалась каменной. Левая сторона сохраняла человеческие черты.

Он слегка наклонился вперед и оперся на каменную руку подобно горилле. Перекошенное лицо горело гневом. Майя машинально направила на него карабин и замерла в ожидании. Она слышала, как остальные рассредоточились по сторонам, занимая позиции.

– А моя мама ангел!– неожиданно похвасталась девочка, игнорируя ситуацию.

Майя вздрогнула от неожиданности. Голос девочки был неприятным и звонким, резал слух и мешал сосредоточиться.

– Лиля?!– раздался пронзительный женский возглас.

Девушка машинально вскинула ствол карабина на голос.

Изогнувшись, на краю крыши стояла женщина, готовая к прыжку. За ее спиной медленно раскрывались широкие перепончатые крылья с рваными краями. Но в остальном женщина была невероятно красива. Стройная, с черными ухоженными волосами, тонкими чертами лица. Ее глаза были большими и бледными как серебро. И в этих глазах читался материнский ужас:

– Вернись!– отчаянно вскрикнула она.

Ее тело было напряжено, и казалось, она в любое мгновение может броситься вперед.

Майя колебалась. Девочка неохотно повернулась и сделала несколько шагов к дому. В этот момент прозвучали сухие щелчки выстрелов. Крылатая женщина несколько раз вздрогнула, поникла плечами и, уронив крылья, соскользнула с крыши. Тело глухо ударилось о землю, неподвижное, мертвое.

Криворукий мутант тяжело выдохнул и сорвался с места.

В этот момент девочка резко развернулась к непрошеным гостям, и ее лицо обезобразила гримаса ненависти. Она широко раскрыла рот и закричала. Этот звук не был криком ребенка. Густой и всепроникающий свист мгновенно сковал болью тело. Он проникал вглубь и заставлял вибрировать кости. А девочка продолжала раскрывать рот, опуская нижнюю челюсть до самой груди. Ее неестественно вытянувшееся лицо выглядело ужасным, а звук продолжал усиливаться, заполнять собой все вокруг.

Майя не слышала выстрела. Девочка взмахнула руками и упала замертво к телу матери. Звук исчез, но его место заполнил уходящий звон, который медленно возвращал слух. Мутант бежал к ним, вытянув вперед огромную ручищу. Он истошно ревел, но звуки эти едва пробивались сквозь звон в ушах.

Девушка сделала несколько неудачных выстрелов ему в голову. Она видела, как выпущенные кем-то пули рикошетили и яркими искрами вспыхивали на каменной коже монстра – он старался подставлять выстрелам свой панцирь. Но пули находили и уязвимые места, вырывая всплески крови из его человеческой половины.

Мутант был уже совсем рядом, намереваясь направить инерцию своего массивного тела в один удар, и был подобен приближающемуся локомотиву. Майя спокойно прицелилась в открытый участок шеи и выпустила несколько пуль.

Каменный голем споткнулся и, вытянувшись, упал на землю. Инерция протащила его тело по траве, остановив только у ног девушки. Ей даже пришлось сделать шаг назад, уступая место надвигающейся машине.

Схватка закончилась, но Майя не могла опустить карабин. Впервые за многие годы она была не готова принять ситуацию. Перед ней лежали доказательства ее немислимых подозрений. Эти обращенные не просто сохранили разум, они были высокоразвитыми личностями.

Снайпер осторожно подошел к истекающему кровью голему и пнул его ногой:

– Этот еще жив...

– Какого черта ты открыл пальбу?!– взвилась девушка, ощущая прилив горячего гнева.

– Шутишь?– искренне удивился Снайпер.– Или я один реально оценивал угрозу?

– Ты открыл огонь без приказа,– Майя едва сдерживалась.

– Вот именно! И у меня вопрос к твоему командованию. Почему я не дождался приказа? Почему мне самому пришлось принимать решение? Разве это не твоя работа?

Он нагнулся к телу голема и ударил его ножом со стороны хрупкого человеческого тела. Затем резко его повернул, широко открыв рану для стока крови.

– Ублюдок!– вскрикнула девушка, срываясь на визгливые нотки.– В атаке не было необходимости! Они были просто напуганы! Мы вторглись в их дом, наставили оружие на ребенка... Они говорили... Они были разумны! И мы убили их из-за тебя!

– Оу! Оу!– передразнил ее снайпер.– О чем ты говоришь, женщина? Это мутанты! А малолетняя тварь едва нас не укатала своим ультразвуком...

Он наклонился над трупом девочки, всматриваясь в ее лицо и играя ножом в руках.

– Не смей!– выкрикнула Майя, угадав его намерения.

– Жуткая семейка,– подал голос Громила, подойдя ближе.– Я такого реально не видел. Даже не знал, что они могут жить так... совсем как люди.

– Не смей,– с угрозой повторила девушка.

Но снайпер, не обращая на нее внимания, быстрым движением провел ножом под вытянутым подбородком девочки:

– Я только одним глазком... посмотреть, что там за свисток... может знатный трофей выйти.

Майя сдалась.

Больше сдерживаться она не могла. Одним прыжком девушка оказалась за спиной снайпера и с силой ударила его прикладом в затылок. Когда тот начал заваливаться вперед, она пнула его ногой в поясницу, повалив на землю.

Майя склонилась над растерявшимся Снайпером, вцепившись в воротник гидры, и резко рванула на себя:

– Скотина, ты нарушил приказ, и теперь...

Гидра неожиданно поддалась под ее пальцами и разошлась широкими лоскутами, раскрыв обнаженный торс снайпера.

Девушка разжала руку и отпрянула от неожиданности. На нее произвела впечатление не разорванная во многих местах ткань защитного костюма со следами грубого ремонта. Сам торс снайпера был покрыт порезами, которые кровоточили по краям воспаленных ран. Кожа вокруг них успела почернеть и пузырилась язвами.

– Что это?– выдохнула она.

Снайпер неторопливо отстегнул шлем и отбросил его. Он глубоко вдохнул и вызывающе улыбнулся, глядя ей в глаза:

– Совсем забыл тебе сказать... Когда мы приземлялись, я угодил в какой-то кустарник. Только он был острым и прочным как кораллы. Я повредил гидру и чуток расцарапался. Хорошо ремонтный скотч был при себе. И я немного подлатался. Нормально получилось?

– Почему ты сразу не взял аптечку у Громилы?– Майя была в негодовании.

– Забыла, что я единственный медик в группе? Я знаю цену аптечкам,– его напускную улыбку сменил неприятный оскал.– Заражение попало в кровь, а таблетки только ослабляют... Да и что это изменило бы? Ждать, пока ты мне башку прострелишь, как Блондину? Или ты перерезала бы мне горло во сне?

Девушка заметила, что все это время направляла ствол карабина в лицо Снайпера.

– Давай!– он вскинул подбородок.– Бей в голову!

Она колебалась. Но потом резко опустила карабин.

– Я не лишу себя удовольствия увидеть твой выбор. Умереть человеком или жить тварью. Майя повернулась к остальным, застывшим в оцепенении.

– Проснитесь уже. Громила позаботься о телах. И за этим уродом присмотри. Он тебе в помощь. А ты, Марек, пойдешь со мной. Надо проверить постройки и осмотреться.

– А мы действительно могли... договориться с этими... обращенными?– неуверенно спросил инженер.

– А ты, сучка, смелая, если поворачиваешься спиной к мертвецу,– угрожающе прохрипел Снайпер, закашлявшись.

– Еще раз так меня назовешь, и я разрежу твой поганый рот от уха до уха,– не поворачиваясь, ответила Майя. Она всматривалась какое-то время в инженера, но потом призналась.– Не знаю. Может, у нас и не было такого шанса.

Глава Третья

Вал резко вывернул снегоход в сторону, и, когда его лыжи вспахали грязь у подножья холма, заглушил двигатель.

Прошло несколько дней, как они сошли со снега и теперь месили подтаявшую жижу заливных лугов. Река, берегом которой они шли, вскрылась и с тяжелым треском понесла рыхлый лед. Ее воды приняли талый снег верховья, чтобы здесь расступиться берегами и войти в поймы.

Гусеницы снегоходов, хотя и потеряли в скорости, чувствовали себя на весенней грязи еще уверенно. Зато груженные сани превратились в настоящий якорь и замедляли движение.

Аля, заметив маневр брата, развернулась и подъехала к нему вплотную:

– Привал?– удивилась она.

– Нет.– Вал поднялся на небольшой бугор, вглядываясь в окрестности.– Поднимем снегоходы выше и оставим здесь. Скоро река заберет все берега. Далеко не уйдем, а технику сгубим.

– Мне не нравится это место,– призналась Аля, слезая со снегохода.– Здесь плохой запах. Много кислого.

– Весна разбудила мертвечину, что крылась с зимы. Скоро падальщики приберутся.

– Я слышала дым на востоке,– Аля потянула носом воздух.– Там люди. Можно поискать транспорт. У нас есть, что предложить на обмен.

– Я тоже слышал дым,– согласился Вал, проверяя крепление груза.– Сходим к людям налегке. Прибери здесь запахи и пометь территорию. Не хочу, чтобы звери беспокоили поклажу.

Охотник ушел к холму, уверенно ступая по кочкам. Девушка сбросила одежду и призвала в себе зверя. Она бы с удовольствием пробежалась по окрестностям, чтобы размять лапы, но ограничилась тем, о чем просил брат. Его слова многое значили для Али, как и он сам.

Девушка почти не помнила детства. Потому что ей нечего было держать в памяти. Она родилась зверем от зверя, и это определило ее судьбу и статус в семье. В остальных достойного было не больше, но у них был человеческий облик. Долгое время Аля смиренно принимала такое положение: ее презирали, над ней потешались, иногда жалели. Братья и сестры шутили жестоко, часто вымещая на ней злобу или просто демонстрируя превосходство.

Матери относились дружелюбно, берегли от своих детей, даже проявляли заботу, как это делала Ольга. Но то была забота о звереныше, щенке. А иначе и быть не могло, ведь собственная мать была безмолвной псиной. Аля не могла терпеть на себе ее взгляд, полный любви и собачьей преданности, но лишенный разума и понимания. Находиться рядом с такой матерью было невыносимо больно, а та не отходила от ребенка, оставаясь молчаливым свидетельством ее происхождения.

Аля искренне ненавидела и презирала свою мать. И это постыдное чувство заставляло ее страдать еще больше, разрывало между зверем, которым она уже не была, и человеком, которым никогда не могла стать.

Вал изменил ее жизнь. Единственный, он никогда не обижал ее, а однажды вступился и дрался с братьями. Вдвоем они сторонились других детей, и после той драки стали больше времени проводить вместе. Когда Аля повзрослела, и ей открылась способность менять форму, Вал помогал ей найти человеческий облик. У нее плохо получалось воплощаться, и долгое время формы были уродливыми. Приходилось много тренироваться и прятаться, чтобы остальные не видели. Иначе насмешки больно ранили.

Она так и не научилась тогда полностью обращаться в человека, хотя уже могла становиться похожим существом только со звериной внешностью. Ей это нравилось, потому что

отношение к ней в семье изменилось. Кто-то стал ее сторониться, кто-то бояться. Не изменилось только отношение Вала, который всегда воспринимал ее той, кем она была.

Аля оделась и неторопливо последовала за братом, всматриваясь в его силуэт. Он был больше, чем брат – для нее он был единственным в мире. Когда во время атаки на семью, люди на ее глазах убили несчастную мать, девушка испытала печаль и жалость. Но одна мысль о том, что она может потерять Вала, приводила ее в ужас.

Она нагнала его на вершине холма. Редкие сосны с кривыми стволами выдавали бедность местной земли, которая могла прокормить лишь редкие травы, лишайник да мох. Хворый лес был прозрачным и позволял видеть далеко.

– Хутор, – Вал указал на группу приземистых построек в ложбине между холмами. – Его очаг мы учуяли. Пойдем открыто – хозяевам меньше беспокойства.

Они спускались открытыми участками, давая возможность увидеть себя загодя. Собаки подняли лай, едва ветер всколыхнул кроны деревьев. И когда гости подошли к хутору, к ним навстречу уже спешил коренастый мужичок в кожаной куртке с ружьем в руках и парой злобных собак на поводке.

– Да что с вами? – забормотал хозяин, когда, поравнявшись с чужаками, его псы вдруг заскулили и потянули назад. Собаки были настолько напуганы, что стелились по земле, прижав уши. Их лапы мелко дрожали, а шерсть по хребту стояла дыбом.

– Может, зверя какого учуяли, – улыбнулась Аля мужичку. Она впервые разговаривала с человеком, оставаясь в человеческом облике, и ее голос немного дрожал от волнения.

– Может, – согласился тот, с прищуром разглядывая незнакомцев. – Места тут лихие. Всякой твари наберется. А вас каким ветром занесло? Сюда, вроде как, и прийти то неоткуда.

– С севера мы, – признался Вал.

– Не знал, что там кто-то есть. Думал, я на самом краю живу.

Хозяин спустил обезумевших от страха собак, и те, поджав хвосты, рванулись к постройкам, где и схоронились беззвучно.

– Потому на юг и идем. Нам бы переночевать да лошадь с подводой.

– С ночлегом вопросов нет, – настожился мужичок. – А вот лошадь у меня одна. Так что извиняй.

Он махнул рукой в сторону хутора, приглашая гостей, и пошел вперед.

– Мне есть, что дать на обмен, – улыбнулся Вал ему вслед. – Пара снегоходов и сани. Это хороший обмен.

– Почто мне эти снегоходы? – ответил хозяин, не оборачиваясь. – Сеном их не накормишь.

Он пропустил гостей за ворота и накрепко их закрыл. Частокол вокруг хутора был добротным, способным защитить двор от любого зверя. Вал дождался, пока мужичок повернется к нему лицом, и, заглянув тому в глаза, тихо повторил:

– Так мне все одно нужна лошадь с подводой.

Хозяин замер, вглядываясь в пришлого гостя.

Аля с восторгом переводила взгляд с одного на другого, отмечая для себя в их противостоянии проявление характеров. Для нее все было диковинным: выражение лиц, паузы, голос, интонации. Она впервые присутствовала при общении людей, будучи сама в образе человека. Ей хотелось что-нибудь сказать, показать эмоции, удивленно вскинуть брови или непринужденно рассмеяться. Теперь ей это было дано. Но она не решалась нарушить течение разговора.

– И что это я сразу не смекнул, – наконец, сдался мужичок, заметно потеряв в настроении. – Это же выгодная сделка. Через полгода опять ляжет снег, смогу на снегоходе кататься окрест. Или сменяю у кого на лошадь, опять же... Забирай подводу.

– Я покажу снегоходы, – загорелась Аля, счастливая тем, что представилась возможность вставить слово. – Они рядом, у реки. Расскажу, как заправлять, как ездить. Это здорово! Идем?

– Отчего ж нет?– без энтузиазма согласился хозяин.– Покажу, где ляжете на ночь, и сойдем.

Он провел их в бревенчатый сруб с низкими потолками – примечательная черта северных домов, равно как и низкие двери. Тепло стремится вверх, а холод стелется низом. Жилище должно хранить тепло внутри и твердо стоять к ветру снаружи. Дом хуторянина был сделан по уму.

За сенцами открывалась большая комната с низкими окнами и массивной печкой в центре, от которой несколько прибранных занавесок крепились к стенам, отгораживая спальные закутки с кроватями. На печи были устроены несколько лежанок: в стужу, обычно, спали на них, а на теплую погоду в кроватях.

В комнате стоял насыщенный запах домашнего очага, смешавший в одном букете горечь сажи и привкус сухих трав, пучками вывешенных на подбитых мхом стенах. Печь дышала теплом и ароматом стряпни. Приятные запахи вкусно переплетались и щекотали ноздри девушки, кружили голову, томили уютом обжитого. Напольные часы глухо отбивали маятником ритм подобно ударам сердца, что делало дом по настоящему живым.

Аля не удержалась и подошла к печи, чтобы прижать ладони к ее неровной поверхности. Тепло, едва коснувшись рук, волной разлилось по телу и сдавило грудь, заставив девушку выдохнуть. Она закрыла глаза, сбросила мысли и отдалась ощущению, которого раньше не ведала.

– Я протоплю на ночь,– по-своему понял жест девушки хозяин.– Но спать лучше в постели. На печи будет уже жарко.

Он подошел к столу и откинул собранную горкой скатерть, под которой скрывался кувшин с квасом, пара больших кусков хлеба и чугунок с остывшей картошкой. Хозяин уселся за стол на широкую лаву и кивком головы пригласил гостей. Он разломил хлеб, уложив куски прямо на грубоотканую скатерть, и разлил по кружкам напиток.

– На вечер кура забью,– пообещал он, дождавшись, когда гости усядутся за стол.– А пока так... Далеко шли?

– Порядком,– признался Вал, отпив из кружки.– От моря.

– Далеко,– согласился хозяин.– В двух днях к югу стоит поселок на озере. Там дороги встречаются, мост через реку. Люди простые живут, охотой, рыбалкой промышляют. Если их не чудить, то и не обидят. Но рекой вы туда уже не пройдете. Тропка есть по лесу. Как раз для подводы. Только сходить с нее не надо, да и под ноги смотреть придется.

– А чего бояться?– Вал допил квас и подлил еще.

– Колодцев чертовых. Не встречали таких на севере?

Гости в отказ покачали головой. Хозяин вздохнул и поморщился:

– Эта напасть весь мой скот сгубила. Яма в земле, метра в три глубиной и два в диаметре. На дне кислоты по колено. А сама мембраной сверху закрыта. Мох и трава поверх – не видать. Если что мелкое пройдет, то и не заметит. А стоит крупному зверю или человеку ступить, так эта мембрана раскрывается, и падаешь прямо в кислоту. А мешок изнутри скользкий и мягкий – не выбраться. И мембрана закрывается. Вот такая ловушка. Через два дня даже кости растворяются.

Аля многозначительно посмотрела на брата – она говорила ему, что чувствует кислый запах.

– И много таких колодцев?– насторожился охотник.

– Хватает,– махнул рукой хозяин.– Но беда, что появляются незнамо как. Я их выжигал, раскапывал, а так и не нашел ничего. Ни червя, ни зверя, что ловушку эту ставит. Прямо, как желудок какой-то в земле сам по себе вырастает. Кто эту землю раскопал, кто этой кислоты налил? Это ж какая яма! Земля куда девалась? В прошлом году у меня прямо за забором такая появилась.

– Так это не зверь,– предположил Вал.– Это растение или гриб. Земля тут бедная, с нее жить голодно. Вот они нехватку и добирают.

– Может, в твоих словах и есть смысл,– согласился хозяин после недолгой паузы.– Я заметил, что чертовы колодцы в хороших местах стояли, не на лысой земле. Деревья рядом. Из их корней такая дрянь могла вырасти. Да только разницы нет. Уж три года как повелось это. Место гиблым стало. Придется в поселок перебираться, пока живы.

– А домашние где?– спросил Вал, заглядывая в лицо хозяина.

Тот надолго замолчал, закусив большой кусок хлеба:

– Один я.

Аля посмотрела на брата, но тот не повел бровью. Кровати, кружки, еда – все указывало на то, что в доме жили и другие.

– Хозяин, если есть, где схорониться, так и сделай,– осторожно продолжил охотник.– Если есть такое место за хутором, там заночуй. Сюда гость незваный спешит. К ночи будет. По-разному может сложиться. Когда утром вернешься, здесь уже никого не будет.

Аля опустила глаза в стол и поникла. Два дня назад они вновь почувствовали смерть. Вал сказал, что на этот раз кровь их брата забрала Тереса. А накануне проявилось присутствие Антоника. Присутствие ощущается, только когда брат или сестра находятся рядом, ближе горизонта. Антоник быстро двигался с юга им навстречу. Он искал их, и теперь был близко.

Аля не любила родню. У нее было достаточно причин для этого и раньше, а теперь только добавились. Она не обсуждала с Валом предстоящую встречу. Теперь, когда уже двое были мертвы, такая встреча не сулила ничего хорошего. Из всей родни этот брат был менее желанным, но не потому, что задирали ее в детстве больше остальных. Антоник был помешан на искусстве войны и единоборствах. Он единственный, кто не бежал после рокового нападения на семью. Наоборот, он ушел на запад искать сражений с людьми. Он умел это, ему это нравилось.

Девушка боялась не за себя, а за Вала, который в бою с Антоником не выстоит в одиночестве. Боялась, что ее сил не хватит, чтобы защитить брата. Даже вместе им будет сложно одолеть такого противника.

– Беспокойные вы гости,– покачал головой хозяин.– Много хлопот от вас. Сами коня запряжете?

– Лучше подготовь подводу с вечера,– признался Вал.

– Нечего скотине из-за вашей дури страдать. Утром выйду проводить, сам все сделаю. Вы хоть вещи свои снесите пока светло. А я пойду кура бить.

Он встал из-за стола и сложил скатерть с краев, свернув их над кувшином и чугуном. Тем он показал, что застолье закончено, и каждому пора заняться своим делом.

– А как же снегоходы?– спохватилась Аля.– Мы хотели пойти их посмотреть.

– Насмотримся еще. Придет время, сам разберусь.

Мужичок не скрывал недовольства, но гостей в ожидании предстоящей встречи это мало беспокоило.

Вечер опустился быстро.

Стряпня хуторянина казалась великолепной после многих лет однообразного рациона. Горячий бульон с куриными потрохами, курица, тушенная с картошкой и луком, квас, хлеб – Аля с восторгом исследовала сочетание вкусов. Раньше она не задумывалась о том, что еда может быть удовольствием.

Трапеза прошла безмолвно. Хозяин едва притронулся к еде, сразу прибрал немного в отдельную посуду, и, прихватив ее с собой, молча вышел. Аля пересела к печи, чтобы смотреть, как крохотные языки пламени плясали над угольями. Жар дышал ей в лицо, обволакивал, отгораживал от всего внешнего.

– Он здесь,– прошептала девушка, не отрывая взгляд от печной топки.

– Знаю,– спокойно ответил Вал.

В окно ворвался слепящий луч света, быстро пробежал по комнате и исчез. Урчание мотора выдало подъехавший автомобиль, который встал где-то возле ворот.

Аля встала и расстегнула куртку.

– Не надо,– остановил ее брат.

– Я не успею быстро перекинуться, когда он упадет,– возразила девушка, но подчинилась и встала неподвижно.

– Это не даст нам преимущества, но поторопит события. Оставайся так.

Вал пересел с лавки на единственный стул – его можно было быстро откинуть при необходимости. Он едва успел усесться, как в сенцах хлопнула наружная дверь, и послышались шаги.

Дверь в комнату распахнулась и, поклонившись низкому проему, вошел здоровяк с широким лицом. Выпрямившись, он почти уперся головой в потолок избы. Его раскосые глаза быстро пробежали по комнате и остановились на столе с ужином.

– Вижу, ждали, родные,– широко улыбнулся Антоник.– Я как раз с дороги аппетит нагулял.

Голос гостя был глухим и хриплым. Услышав его, девушка содрогнулась, вспомнив, сколько в ее адрес было сказано когда-то этим голосом. Но больше ее беспокоила не память, а то, как угрожающе выглядел этот здоровяк. С момента последней встречи, он стал заметно крупнее и тяжелее, а в движениях чувствовалась не только сила, но и ловкость.

Антоник был хорошо вооружен. Из-за его спины торчали рукояти катан, самурайских мечей, закрепленных по-походному. Это было явным позерством потому, что так ехать в машине он бы не смог. Держать мечи на виду стоит, только чтобы отвлечь на них внимание. К бедру был пристегнут охотничий нож, а заломленные края кожаных сапог выдавали еще что-то припрятанное. И его длинный плащ мог скрыть что угодно.

Девушка была расстроена и пожалела, что не приняла облик, более подходящий встрече. Противник казался намного опаснее, чем даже она представляла.

– Здравствуй и ты, Антоник,– поприветствовал его Вал, внимательно рассматривая экипировку гостя.– Ты очень торопился нас встретить.

Здоровяк уверенно подошел к столу и уселся на тяжелой лавке, спиной к выходу. Он налил кружку кваса и с заметным удовольствием выпил.

– Еще бы!– подмигнул он, громко стукнув кружкой о стол.– Столько лет не виделись... Больше десяти... Пятнадцать! Соскучился. А тут такой шанс. Я ведь не очень прозорливый как остальные. У меня этот дар, чтобы своих видеть издалека... он очень маленький... Ты же понимаешь, каждому свое выпало. У кого уши большие, у кого ноги, а у кого и... хвост! А!? Альфа?

Он громко заржал, повернувшись лицом к девушке:

– А ты заматерела, смотрю,– резко сбросил с себя напускное веселье здоровяк.– Личину человеческую освоила. Стала очень привлекательной... сукой...

Он сделал паузу, выжидая реакцию, но Аля лишь сверкнула на него голубыми глазами.

– А хозяева где? Место обжитое...

– Зверя промышляют,– ответил Вал и подлил себе квас.– На днях вернутся. Сам как? Надолго погостить?

– Да повидаться на разок заехал. Перекинемся парой слов, повспоминаем... А утром назад, по своим делам. Могу и вас подвести. Вы куда, пропащие, направляетесь?

Антоник бесцеремонно запустил руку в чугунок с тушеной курицей. Он ел нарочито непринужденно, не теряя, однако, из вида девушку, которая расположилась сбоку у печи.

– Пока на юг,– сдержанно ответил Вал.

– Да ладно в эти игры играть! Нормально поговорить не можешь?– неожиданно вспыхнул здоровяк.– Я тебе вопрос задал! Что ты мне своими «югами» отвечаешь?

Лицо Антоника изменилось, но по нему невозможно было определить, искренний это гнев или наигранный.

– Домой вернусь, мать хочу повидать,– сохранил невозмутимость Вал.

– Конечно,– фыркнул здоровяк.– Пятнадцать лет дела до нее не было, а тут истосковался... Ты, как был стремным, так и остался. Зато сучка, смотрю, сильно продвинулась. Расскажи, Альфа, пока наш братец кривляется, что ты думаешь об этом?

– О чем?!– с вызовом спросила девушка.

– Ого, какой у тебя голосок красивый! Мне нравится,– он зачерпнул из чугунка курицу и тут же запил ее квасом.– Что думаешь о Торине и Тересе? Вы же лучше меня должны были прочувствовать, как они прибрали к рукам кровь наших родственничков.

– Почему мне знать?– пожал плечами Аля.– Это все далеко отсюда.

– Помнится, Торин еще по детству бредил единением,– Антоник вытер рукавом рот и снова приложился к напитку.– Все мечтал собрать кровь отца вместе. Хотя, какой в этом смысл, если отец сам ее разделил между нами. Честно говоря, не думал, что так вообще можно. А тут сначала Торин, а теперь и Тереса. К чему все?

Он переводил взгляд с Вала на Алю:

– Да ладно... Если бы я пришел вас убить, вы бы уже были мертвы. Уж в чем я понимаю лучше других, так это в убийствах! Этому искусству жизнь посвятил. Талант у меня к этому.

Антоник развел мощные руки и взялся за края стола, демонстративно выжидая. Аля понимала, что он при желании сможет легко зашвырнуть этот тяжелый стол в любого из них.

– Думаю, Торин ищет силу,– неожиданно начал Вал.– Забрав кровь отца, он забрал и то, чем владел Бартелайя. Мы не случайно все разные. Возможно, отец разделился в нас, чтобы что-то найти или обрести. Может, даже понять.

– Ну-ка, давай подробнее,– загорелся здоровяк.– Это уже интереснее. Думаешь, Торин вместе с кровью забрал не только силу Бартелайи? Думаешь, он теперь знает и умеет все, что было в нем?

Вал вылил себе остатки кваса и протянул пустой кувшин сестре:

– Принеси.

Девушка прочитала его взгляд и, взяв кувшин, нехотя пошла в сенцы. Антоник лишь мельком бросил на нее взгляд:

– Похоже, что Тереса тоже так думает. Учувяв, как Торин поднялся, решила силы поднабраться. Сходится. Но тут вопрос. Если ты взял хорошую кровь, то тебе с силой перейдет хороший навык. Бартелайя был инженером в душе, мог из дерьма и палок собрать любое устройство. Такое Торину пригодится. А если взять, скажем, Макея, который любит только поржать, или вечно ноющую Марьяну. Если их дары прибрать... это будет еще тот подарок.

Здоровяк громко засмеялся, а потом перегнулся через стол и заглянул в глаза Валу:

– А ты сам, куда собрался податься? В город Света или на Сельбища? Вас же там сожрут...

– Домой идем. А что за Сельбища и город? Там остальные обосновались?

– Кто как... Кто как... Многие, как я, держатся сами по себе. А так есть три группы. Когда из Минска ушли, все они сначала Сельбища основали где-то в таежных лесах. Слышал, хорошо обустроились, людей сторонились. Там Тереса правила балом – мать титанов. Через пару лет опять рассорились. Большинство ушли. Одна группа, небольшая, подалась за Ториним куда-то в глушь. Другая, побольше, основалась вместе с людьми в каком-то городе. Они там в богов играют, но город, вроде, расцвел. Туда многие тянутся. Думаю, туда и Торин зайвится. Если он захочет со мной или с Тересой схлестнуться, ему надо хорошенько сил поднабраться. А в городе Света самые рохлики из наших собрались...

– А сам куда пойдешь?– спросил Вал, когда дверь за спиной его собеседника открылась и на пороге появилась Аля.

Антоник замешкался лишь на мгновение, отвлеченный то ли вопросом, то ли уютом, но этого было достаточно. Девушка разрядила в него автоматную очередь, быстро смещаясь в сторону и щедро рассыпая пули.

Грохот выстрелов и едкий запах пороха быстро заполнили избу, разрушив ту трогательную атмосферу, которая впечатлила девушку.

Антоник было сорвался с места, но большая часть пуль достигла цели. Это были необычные пули, и он это почувствовал сразу. Ядовитыми жалами они впились в его тело, сковали судорогами. Здоровяк рухнул на пол, поджав конечности, и мелко задрожал. Его глаза лезли из орбит, а вены на лице вздулись и проявились черной паутиной. Боль была настолько кричащей, что Вал и Аля услышали ее в себе. Девушка вспомнила слова брата о том, что с этим оружием люди приходили за ней и ужас перед тем, что она сейчас наблюдала со стороны, коснулся ее.

Аля отшвырнула от себя автомат и отступила к стене, не отрывая взгляд от жертвы. Вал, который с начала стрельбы лишь успел отскочить в сторону, одним прыжком очутился на раненом брате и схватил его обеими руками за горло.

Антоник оказался сильнее пуль. Их заряды продолжали удерживать здоровяка в конвульсиях, но он уже был не таким беспомощным, как мгновение назад. С усилием, но его руки перехватили запястья охотника, заметно ослабив хватку на горле. Силы и способность сопротивляться постепенно возвращались к Антонику.

Вал перевел взгляд на сестру, но девушка стояла, вжавшись спиной в стену, и с ужасом наблюдала за поединком. Он резко оскалил зубы, выдвинув челюсть вперед, и вцепился в горло брата зубами.

Ощувив вкус крови на языке, охотник понял, что и как должен сделать. Он призвал кровь отца, и она последовала его зову, торопливо покидая тело Антоника. Невероятные по силе ощущения захлестнули Вала и бросили в пучину беспамятства.

Этот всплеск остро ощутили все его братья и сестры.

Гигантский червь изогнулся и приблизил свое лицо к Майе. Оцепенение не отпускало, а лицо червя становилось все ближе и ближе. Она видела каждую морщинку, каждый не сбри-тый волосок на подбородке Стрелка. Он неприятно улыбнулся ей и прошептал: «Проснись», а потом, оскалившись, дернул головой в сторону и укусил за плечо.

Девушка открыла глаза, стряхнув с себя оцепенение кошмара.

– Проснитесь!– инженер сильнее потряс за плечо, но заглянув в ее глаза, отдернул руку.– Вам надо кое-что увидеть.

Майя села, с трудом возвращаясь к реальности. Сон не отпускал – он был настолько ярким и правдоподобным, что соперничал с явью. Девушка с трудом могла провести грань между тем, что видели ее глаза и тем, что хотел показать разум. Врачи предупреждали о таких моментах, и она быстро обшарила карманы в поисках таблеток. Симптомы давно не повторялись, и Майя несколько раз пропустила прием препарата.

– Что это?– заинтересовался инженер, когда та забросила в рот красную горошину и принялась ее разжевывать.

Вкус был резким и кислым, даже покалывал язык:

– А на что это похоже? Может, конфетки? Хочешь такую?

Девушка протянула ему прозрачную коробочку с красными шариками внутри. К ее удивлению, инженер взял коробочку и внимательно рассмотрел со всех сторон. Майя раздраженно выхватила таблетки из его рук:

– Что стряслось?

– Маркировки нет,– инженер кивнул на коробочку, которую она быстро прибрала в карман.– Это запрещено в фармакологии. Или упаковка, или сама таблетка должны иметь обозначение. Красная оболочка и отсутствие маркировки...

– Думаешь, я наркоманка?! Думаешь, это колеса?

– Нет,– отступил инженер.– Просто я думаю, что это незарегистрированный препарат. Будьте осторожны, из чьих рук Вы бы его не получили. Моя сестра стала инвалидом после испытаний какого-то нового препарата. Такое часто случается в резервациях. Ее таблетки тоже были красными и немаркированными.

Майя уже окончательно собралась с мыслями. Она не стала объяснять, что принимает препарат несколько лет, и получает его от медиков пограничной службы.

Свет в окнах был ярким, характерным для позднего утра.

– Сколько времени?– насторожилась девушка.– И что стряслось?

– Есть две вещи, которые надо увидеть своими глазами.

Майя проследовала за инженером в соседний ангар, где их уже ожидал Громила. На поперечной балке под крышей в петле висел Снайпер со свернутой на бок головой. Взгляд девушки остановился на бурой лужице под висельником, края которой уже подсохли.

– Он взял у меня утреннюю вахту,– комментировал Громила.– Как я понял, он взобрался под крышу, подвязал веревку к балке и спрыгнул с петель на шею. Думаю, хотел сломать шею, а не умирать от удушья.

– И как? Думаешь, получилось у него?

– Не знаю,– пожал плечами здоровяк.– В конечном итоге, своего добился – он мертв.

Майя обошла вокруг лужицы, переводя взгляд с нее на сухие ботинки Стрелка, которые были как раз на уровне глаз:

– Не понятно, откуда натекло,– пробормотала она.– В любом случае, парень сделал выбор. Решил умереть человеком, не дожидаясь пока обратится.

– А разве это не очевидный выбор?– удивился инженер.– Любой поступил бы также. Может, не петля, но... не дожидаться же, пока твое тело и разум превратятся в...

Он запнулся, не в силах подобрать слова.

– Не любой,– громко и с вызовом перебила его девушка.– Ты был невнимателен. Только пятая часть зараженных умирает. Остальные обращаются. И среди обращенных есть другие. Помнишь семью, которую мы вчера убили? Они не выглядели несчастными или безмозглыми...

– Что-то я не понимаю,– начал было инженер.

– Я это и так вижу! Снимите его и предайте земле. Может, мы и повздорили с ним, но парень заслужил уважение. Даже, если он прожил жизнь, как кусок дерьма, мы и сами не лучше. А у тебя, пассажир, было что-то еще? Что ты еще хотел показать?

– Это наверху,– спохватился инженер.– Он нам кое-что оставил. Нам стоит вместе это посмотреть.

Громила, который уже двинулся к лестнице, приставленной к балке, остановился и с вопросом посмотрел на девушку. Та пожалала плечами и кивнула.

Втроем они вернулись к жилому дому и поднялись на второй этаж под самую крышу. У раскрытого окна, повернутого на восток, на треноге была установлена оптическая система, которую они прихватили со склада в бункере. В собранном виде, она выглядела внушительно.

– Это так мило,– разочарованно улыбнулась Майя.– Он собрал для нас оптику.

– Он кое-что нашел для нас,– поправил инженер.– Сами взгляните.

Девушка переступила через разбросанные кейсы для оборудования и посмотрела в окуляр видеоискателя. Оптика была отличной, а изображение при многократном приближении оставалось четким, без размытых краев. Дальний лес за холмистыми лугами, поросшими буйным кустарником, был виден отчетливо, в мельчайших подробностях. Майя взялась за коле-

сики регулировки, чтобы сместить видеоискатель, но инженер визгливо запротестовал, едва заметив ее движение.

– Вы заметили? Вы увидели то, на что он навел приборы?

Девушка замерла, напряженно всматриваясь в деревья. Через секунду она рассмотрела антенну, едва заметно возвышающуюся над кронами. Антенна выглядела обычно, как и тысячи других бесполезных устройств, оставшихся ржаветь с незапамятных времен.

– Я смотрю на антенну. Это она должна была меня впечатлить?

– Это не просто антенна. Вы видите что-то необычное?– не унимался инженер.

– Обычная антенна. Таких тысячи. Я в них не разбираюсь,– Майя с раздражением отвернулась от прибора.– Хватит загадок. Докладывай.

– Это не антенна связи, не ретранслятор,– возбужденно затараторил Марек.– Это антенна мониторинга периметра. Мы до сих пор используем подобные. Раньше такими системами оснащали государственные границы. Они выявляют любое возможное проникновение на контролируемую территорию: радиосигналы, движение, температуру – все. Мимо нее невозможно пройти незамеченным.

– Государственная граница далековато отсюда,– призналась Майя.– А с чего ты взял, что она действующая?

– Видите на верхушке поворотную часть с воздушным винтом? Ну, пропеллер, который вращается?

– И что? Это же обычный флюгер, который ветром вращается?

– Вот именно!– почти вскрикнул инженер.– Я тоже не сразу придал этому значение. На самом деле это часть метеорологической системы комплекса. Но суть не в этом. Она требует обслуживания. Полноценного инженерного обслуживания, замены масла, калибровки. И ее профилактика должна проводиться не реже раза в год. Иначе воздушный винт вращаться не будет.

– Хочешь сказать, что эту систему кто-то обслуживает,– задумчиво произнесла Майя.

– Вот именно. Ее радиус действия не менее десяти миль. Мы всего в нескольких милях от зоны ее действия. На краю, чувствительность, конечно, пониже, но...

– Должны быть и другие антенны,– догадалась девушка.

– Вот именно! И они есть. На приборе несколько предустановленных положений объектива. Снайпер нашел еще одну такую же антенну. Она на удалении миль пятнадцати от первой. Майя подошла в плотную к инженеру, заставив его отступить на шаг.

– Хочешь сказать, что Снайпер нашел стену, которую мы не сможем преодолеть?

– Нет. Он вовремя нашел ловушку, в которую мы могли угодить. И оставил подсказку, прежде чем... уйти.

– То есть это не будет для нас преградой?– настойчиво переспросила девушка.

– Пока не знаю,– признался инженер.– Такое оборудование потребляет большую мощность, поэтому требует подключение к постоянному источнику питания. Тут аккумуляторами и солнечными батареями не обойдешься. А кроме того, они очень чувствительны к помехам и магнитным полям. Одним словом, это капризное оборудование, которое в любом месте не приткнешь. Да и дорого их внахлест ставить – так делают на особых участках. Уверен, если пройти вдоль периметра, найдем пару окон. Скорее всего, это будут какие-нибудь заболоченные участки.

– Разумно,– согласилась Майя.– Сможешь рассчитать точные координаты вышек с этой оптикой, чтобы я их положила на карту?

– Конечно,– удивился инженер.– Это лишь перевод угловых координат в прямоугольные, а потом географические...

– Не продолжай,– нахмурилась девушка.– Мне незачем знать детали. Просто сделай это.

Когда все спустились вниз, здоровяк с инженером направились в ангар, а Майя решила вернуться к картам, чтобы сориентироваться по возможным маршрутам разведки. Ей вспомнилась дорога, которая дугой уходила не север, как раз вдоль границы чувствительности вышек. Но пройдя всего несколько шагов, она остановилась.

Какое-то беспокойство поселилось в ней, отвлекало предчувствием, словно, она что-то упустила. Девушка вспомнила, что такое же чувство у нее возникло перед тем, как червь схватил Снайпера. Майя резко развернулась и побежала к ангару.

Инженер уже вскарабкался с ножом на балку, подгоняемый советами Громилы, когда Майя появилась на пороге. Здоровяк шагнул к ногам висельника, собираясь подхватить его снизу, и уже занес ногу над лужей.

– Сто-о-о-ой!– закричала Майя так, что забрало ее шлема мелко завибрировало в ответ на звуковую волну.

Инженер и здоровяк замерли, не зная, кому адресована команда, и повернулись к ней лицом. Девушка подошла к лужице и на мгновение замерла. Сомнений не было, лужица стала немного шире, а на гидре висельника не было никаких следов потеков.

Майя взяла вилы, стоявшие у стены ангара, и, подойдя к луже, ткнула ими в самый центр. Подтверждая ее подозрения, вилы не уткнулись в утоптаный земляной пол ангара, а провалились вглубь. Она не успела до конца осмыслить свое открытие, как вилы вздрогнули в ее ладонях, и, вырвавшись из рук, нырнули в бездонную лужу.

Громила и Майя отпрянули назад и сделали это вовремя.

Лужа на мгновение просела в глубину, открыв острые края колодца, чтобы тут же подняться бугром, который обтекал и струился бурой массой, не разливаясь, однако, по сторонам. Жидкость каким-то чудесным образом удерживала форму и продолжала подниматься вверх, превратившись в подвижное щупальце. Оно неуклюже раскачивалось в стороны, но продолжало расти, поднявшись уже на три фута.

– Режь веревку!– скомандовала девушка.

– Не понял?– замешкал инженер, которому сверху картина представлялась под другим углом.

– Режь, живо, веревку!– рявкнула Майя.

Инженер поспешно перерезал веревку, и тело снайпера скользнуло навстречу жидкому щупальцу. Все произошло мгновенно, естественно и беззвучно. Встретив жертву, жидкость податливо просела и расступилась, позволив ему упасть куда-то в утробу. И так же естественно и беззвучно сомкнулась над телом Снайпера, оставив после себя невозмутимую поверхность маленькой лужи, слегка подсохшей по краю.

– Что это было?– первым оправился Громила, который несколько мгновений назад едва сам не наступил в эту лужу.

– Похоже на второй подарок от нашего висельника,– улыбнулась Майя, довольная тем, что вовремя услышала голос интуиции.– Он не случайно выбрал место для своей петли. Хотел прихватить кого-нибудь с собой.

– А может эта тварь вылезла из-под земли уже после того, как он повесился,– предположил инженер, спустившись с балки.– Может, это такой падальщик.

Майя посмотрела на нетронутую гладь бурой лужицы, а потом на инженера:

– Конечно, Марек, и такое может быть. А сейчас, раз уж необходимость в погребении пропала, собирайте вещи. Двинемся на север искать брешь в обороне противника. Не думаю, что сложится сюда вернуться. А делать здесь больше нечего.

– Нам и на стоянки оглядываться резона нет,– заметил Громила.– Лучший ночлег будет в машине. По мне так это и безопаснее.

– Пожалуй,– согласилась Майя, оглядываясь на инженера.

Тот надолго застыл у лужи, всматриваясь в нее, но ни девушка, ни здоровяк не стали его торопить. Сборы прошли быстро, и уже через четверть часа внедорожник двинулся в сторону лесной дороги, оставив после себя разоренный хутор.

Крупные куры с непривычно большими крыльями деловито расхаживали за высокой изгородью, да оголодавший скот протяжно мычал и хрюкал в загонах, иногда с усилием ударяя в прочные стены. Если бы к вечеру незваные гости вернулись на хутор, они бы заметили, что лужа в ангаре стала заметно меньше, а утром следующего дня она исчезла вовсе.

Группа ушла на сотню миль к северу, обогнув дугой вышки обнаруженной охранной системы. Останавливаясь в каждом пригодном для этого месте и высматривая новые антенны, они заехали окольными тропами в непроходимую чащу гнилого леса.

Черные деревья с раскидистыми ветвями, лишённые листьев, перемежались с редкой хвоей и утопали корнями в обомшелых кочках. Высокие болотные травы выдавали топкие места, многие из которых открывались черными, маслянистыми лужами. Ноги проваливались в грязь, скрытую под ковром мха, но внедорожник чувствовал себя уверенно на заболоченных тропах.

Именно здесь, как и предполагал инженер, они нашли разрыв между вышками почти в двадцать пять миль. В этом неприветливом месте, на краю прохода в охраняемую зону, они и устроились на ночлег, выбрав место повыше и оглядываясь на то, как ночь спускается на гнилой лес.

Оррик сидел поодаль от костра, обхватив ноги руками, и смотрел, как отблески огня плясали на лицах людей. Вечерний туман собирался молочными сгустками над самой землей и смыкался кольцом вокруг лагеря, постепенно подступаясь ближе. Его холод Оррик отчетливо ощущал спиной. Впервые в жизни он был по-настоящему напуган.

Его страх был чистым и искренним.

– Чего приуныл, друг человека?– услышал он.

Пятеро попутчиков одновременно подняли головы и вопросительно посмотрели на него. Ближайший, Мазур, сделал шаг к Оррику и присел на корточки на удалении:

– Что тебя так тревожит, родент?

– Я знаю кто вы. Точнее, кто ты,– выдал из себя охотник.

Пятеро синхронно улыбнулись. Как и все люди, для него они внешне были на одно лицо. Но он отчетливо видел в них воинов. Отец говорил ему, что охотник убивает ради добычи, а потому ценит жертву, и никогда не возьмет лишнего. Воин убивает во имя славы, с ненавистью к врагу, и нет предела его жажде убийства.

– Говори,– Мазур устроился удобнее, приглашая к разговору.

Остальные поспешили найти себе занятие, разделявая тушу забитого кабана и обустроя лагерь к ночлегу.

– Ты многоликий демон из разрушенного города. Мы слышали о тебе.– Оррик отвел взгляд.– Ты существуешь в пяти телах, но ты один и тот же. Я считал это байками. Но теперь вижу тебя.

– Может, так и есть. Когда-то мы были обычными людьми,– неожиданно заговорил Мазур.– Мы были командой, вместе служили. Странно, но я помню каждое мгновение в жизни любого из нас... И при этом я не помню то время. Если ты меня понимаешь... Словно это что-то чужое. Мы сопровождали Ольгу в лабораторию, где ученые упражнялись в экспериментах с новыми формами жизни...

– Дом Комы...

Военный на мгновение задумался над репликой Оррика, и не найдя в ней смысла, продолжил:

– Мы... заразились. Дрянь, которая там обитала, попала в наши тела. Сначала мы умерли, или нам это только показалось. А потом каким-то образом ожили, но стали другими. Мир изменился вокруг нас. Сперва мы просто чувствовали друг друга, мысленно... Словно разум был раскрыт настезь. Мы могли говорить, не раскрывая рот, видеть мысли друг друга. Это как у тебя с Ольгой и Валерой.

Родент вздрогнул и сжал кулаки. Ему хотелось схватить нож и ранить себя, чтобы выпустить наружу родившийся гнев. Мазур терпеливо наблюдал за внутренней борьбой собеседника, а потом незаметно улыбнулся в пяти своих лицах:

– Мы... Я. Я знал твою тайну с самого начала. Я был рядом с Ольгой всегда, и чувствовал Одноухую, твою праматерь, которая первая из твоего рода обрела дар видеть Ольгу. Но ты не дергайся. Если я не раскрыл секрет родентов за двадцать лет, то и теперь этого не сделаю. Я и сам мог заглядывать в нее. Раньше я чувствовал каждую тварь вблизи и вдали. Их желания, страхи, инстинкты...

На лицах пятерых одновременно проявилось странное и угрюмое выражение, но мгновенно исчезло, и Мазур покачал головой:

– Это было тяжело для рассудка. Ад, безумие. Потом все изменилось. Я ушел в себя. Наши личности стерлись или слились воедино. Когда постоянно слышишь в голове мысли других, перестаешь отличать их от собственных. Но я сосредоточился на этом. Постепенно ушли лишние голоса, и я мог только чувствовать рядом разумных существ. Это не всегда были люди... Но уже избавился от их мыслей в своей голове. И это было облегчением.

– Ты не можешь читать моих мыслей?– осторожно поинтересовался Оррик, воспользовавшись короткой паузой.

– Нет. Уже не могу. Поэтому ты мне нужен. Нужен твой дар. Это я просил о тебе Ольгу.

Они заглянули в глаза друг друга, скованные недоверием. Мазур резко встал, и его движение эхом отразилось в остальных его телах. Они повернулись к Оррику, не отводя от него взгляды:

– Я не потревожу ни тебя, ни твой народ,– хором произнесли люди.– Ольга для меня... связь с реальностью. Смысл и причина бороться за жизнь, которая мне самому не нужна. Я должен ей помогать. Без нее я останусь один в крошечной тьме.

Их многоголосие и синхронность слов и жестов выглядели жутко в глазах родента:

– Ты пугаешь меня!

– Не хотел...– Мазур вытянул к Оррику руку, широко раскрыв ладонь.– Мы... как пальцы одной руки. У меня просто пять тел, десять глаз и десять рук. Я могу одновременно разговаривать с тобой и думать о чем-нибудь другом. Но я все равно один. Это удобно, когда загоняешь зверя или сражаешься. Все движения согласованы... Это сильное преимущество в бою, но при общении с другими это пугает.

– Ты поэтому остался в разрушенном городе?– спросил родент, успокоившись.

– И поэтому тоже.

– Они не приняли тебя?

– Кто?– вся пятерка людей замерла, выдав то, как этот вопрос захватил мысли многоликого Мазура.

– Остальные ведьмы и их дети,– Оррик уверенно выдержал пугающий взгляд собеседника.– Ты сражался за них... Готов был умереть. А они не любили тебя... Презирали.

– Ты видел это в мыслях Ольги?

– У меня есть и свои мысли.

– За свои жизни я понял много вещей,– поморщился Мазур.– Убежденность лишь отражает меру заблуждения. Ты понимаешь этот мир до тех пор, пока сомневаешься в том, что понимаешь его. Твой народ еще молод. Он уверен в том, что видит. Вам кажется, что солнце встает на востоке и садится на западе. Вы верите в то, что есть плохое и хорошее...

– Я знаком со строением солнечной системы, – гордо возразил Оррик. – Я прочел много ваших книг. Мне давала их Ольга.

– Не сомневаюсь. Но не все, что тебе кажется очевидным, таковым является. Особенно, когда мы говорим о людях. Они могут целовать тебя в десна, и при этом, ненавидеть. А могут причинять боль любимым из благих побуждений... Говорят, что судить надо по поступкам. Но это ерунда. Судить вообще нет смысла. Все очень относительно. В любом сказанном слове есть ложь... И в каждой лжи можно найти истину...

– Ты говоришь, как книга, – фыркнул родент. – Паутина слов, которая выдает путаницу мыслей.

– Вот именно... Ты еще хочешь жить как зверь, чисто и просто. Убивать без сожаления, бежать от угрозы... Но ты уже в западне. Знаешь, чем отличаются разумные существа от животных? Тем, что их разум засорен вот такой путаницей и сомнениями. И тебе не хватит жизни, чтобы все разобрать. Твои потомки понесут эту кашу в своих головах тысячи лет. Поверь, вы еще в самом начале. А путь человечества привел к рукотворному катаклизму, хотя с каждым поколением нам казалось, что мы становимся лучше и умнее.

– Мы разные, – сверкнул глазами Оррик. – И мы ненадолго попутчики.

– Дай бог, чтобы у вас сложилось иначе. К разговору о попутчиках. Завтра вечером мы придем в железный город. Ты бывал в железных городах? Паровоз видел?

– Ты не ответил на мои вопросы, – охотник встал, показывая, что хочет завершить разговор. – Но они у меня остались. И я задам тебе их еще. Позже, когда у тебя будет воля ответить.

– Обязательно, – улыбнулся Мазур. – У нас долгое путешествие, успеем наговориться. Только тебе надо помнить о людях одно... Теперь они селятся в железных городах, которые связаны железными дорогами. За последние годы люди повидали многих тварей и даже разумных, но к народу родентов люди никогда не привыкнут. Люди боятся того, что не понимают. Люди всегда останутся для тебя... угрозой.

– Я готов к тому, что меня может ждать в железном городе. И я знаю людей лучше, чем ты думаешь.

– Вот и славно, – перебил его человек. – Нам нужно попасть на поезд, чтобы добраться до северных территорий. Это единственный способ быстро и безопасно забраться в такую даль. Железные города живут по своим законам. Люди пытаются выжить и сохранить осколки своего мира. К таким уродам как я они терпимы, но ты – другое дело.

– Я не понимаю, чего ты хочешь от меня, – Оррик насторожился, чувствуя, что его вновь вовлекают против воли в сомнительную сделку.

– Я хочу, чтобы ты забыл на время о том, что ты родент. Твоя гордость может сыграть с нами злую шутку. А твоя выдержка нам поможет.

– Хочешь, чтобы я притворился человеком?

– Не обязательно. Достаточно в разговорах с людьми не выпячивать того, что ты не человек. И тем более не стоит выказывать твоего отношения к ним. Упомянув о людях, говори не «вы», а «мы». Никто тебя допытываться не станет. Времена такие, что у каждого найдется, о чем промолчать. Но если ты противопоставишь себя этим, они воспримут это как вызов. Просто сделай вид, что ты разделяешь их ценности и боль, а не судишь.

– Я тебя понял, – Оррик отвернулся и подошел ближе к костру, где один из пятерых с именем Илья уложил его вещи возле спальной лежанки.

– Просто подумай над тем, что я тебе сказал, – произнес Илья.

Охотник не сразу сообразил, что этот человек продолжал его разговор с Мазуром. Было сложно воспринимать собеседника, который вел один разговор от разных лиц.

– Я подумаю, – согласился родент.

Он лег на приготовленную постель спиной к костру. Жар угольев проникал сквозь паучий панцирь и подбитую мехом куртку, забирался под кожу до самых костей. От этого холод тумана

сильнее ощущался на лице, пощипывал чувствительный нос. В подстилку под грубой рогожей люди сложили волчью траву. Жесткая, она обладала резким запахом, который отпугивал насекомых и мелких гадов. Оррик давно привык к этому запаху. Но к соседству людей он привыкнуть не мог. Одно дело общаться с Ольгой, которую знал и мысли которой мог подсмотреть. Совсем другое – соседство человеческого демона и перспектива железного города.

Охотник пожалел, что никогда не слушал рассказов соплеменников о людских поселениях, окутанных дымом железных машинах, которые с грохотом носились между железными городами. Не то, чтобы он не верил этим сплетням. Оррик даже не представлял, что в его жизни появится причина столкнуться с миром людей. Он как никто понимал разницу между родентами и людьми. А теперь ему предстояло сделать шаг через эту пропасть.

Беспокойным мыслям не было места в голове Оррика. Он станет волноваться, когда для этого будут причины. А пока здоровый сон торопился забрать его в негу спокойствия и грез. Его сны были яркими и светлыми, они показывали ему тот мир, который все роденты обретают, когда заканчивается их время на земле. Это был прекрасный мир.

Пока остальные отдыхали, Мазур украдкой рассматривал Оррика. Он признал в себе зависть, потому что видел перед собой силу и молодость. На фоне родентов человечество казалось угрюмым старцем, раздавленным болезнями и усталостью. Несмотря на свою кажущуюся мощь и превосходство однажды людям придется уступить место этим хрупким существам, или очень сильно подвинуться в их пользу.

Майя проснулась, почувствовав на себе посторонний взгляд. Она резко открыла глаза и увидела лицо инженера:

– Что ты тут делаешь?

– Вы спали?– удивился инженер.

– Что ты тут делаешь? Беспилотник уже был?

Девушка была в гневе. Она ненавидела ранние вахты как раз за то, что сон приходил коварно, умел незаметно подменить реальность своими картинками. И такое случилось именно под утро, когда солнце еще только готовилось показаться из-за горизонта. А сейчас оно уже уверенно взбиралось по небосводу.

– Беспилотник был и не один раз.

– О чем ты говоришь? Второй облет у них после полудня.

– Вот и я об этом. Сегодня они поднимаются в воздух каждые полчаса. Все маршруты новые. Что-то готовится.

Майя не могла разобрать интонации Марека. В его словах был толи упрек, толи досада.

Последние три дня они наблюдали за базой, обитатели которой тщательно прятали свое присутствие. Пройдя болотами между вышками защитного периметра, они почти сразу нашли идеальный пост наблюдения. Это была заброшенная водонапорная башня, которая выросла в молодой лес, обомшела и обвилась лианами. Даже на ее крыше прижилась густая трава и поселилась чахлая березка, с трудом удерживаясь корнями за шербатый кирпич.

С этого места, укрывшись камуфляжной накидкой, можно было незаметно рассматривать большую часть базы и прилегающей территории с удаления всего в несколько миль. За три дня удалось детально изучить распорядок базы, который внешне практически не проявлялся.

Трижды в сутки как по расписанию открывался ангар, откуда выныривал небольшой беспилотный самолет, пробежал по короткой взлетно-посадочной полосе и вставал на крыло. На достаточно большой высоте он беззвучно проходил один и тот же сложный маршрут и без лишних отвлечений возвращался в ангар.

Ближе к полудню из комплекса в сопровождении пары вооруженных людей наружу выходили две бригады инженеров. Одна взбиралась на крышу комплекса, где были смонтированы

сложные системы спутниковой связи, и методично возилась несколько часов с оборудованием. Вторая бригада направлялась к «зверинцу», который получил свое название из-за огромных вольеров, огороженных монументальными заборами. Эта часть комплекса из-за технических построек практически не просматривалась. Чтобы увидеть зверинец, пришлось бы обойти весь комплекс вокруг, а такой маневр представлялся опасным.

Вечером из огромных ворот приземистого бункера выезжал небольшой крытый грузовик, который по единственной дороге уходил на восток и возвращался только за полночь.

Если бы не эти редкие события, комплекс походил бы на безжизненный набор сооружений, заброшенных задолго до начала нашествия. Было очевидным, что где-то внутри него, глубоко под землей скрывалась хорошо организованная деятельность. Активное оборудование и автоматика были в идеальном состоянии, а действия персонала вышколенными. Кроме работоспособности комплекса за три дня наблюдения ничего интересного обнаружить так и не удалось.

Майя не могла отметить никаких полезных деталей и не понимала смысла и цели функционирования комплекса. Возможно, он был очень технологичным, но без электроники и детекторов она этого определить не могла.

– Беспилотники себя как вели?– Майя приложила к окуляру оптики, направив ее на ворота бункера.– Чего встал? Схоронись под камуфляжем.

– Работали с большой высоты,– Марек улегся рядом с девушкой и накрылся маскировочной сеткой.– Делали круги над базой, уходили глубоко на запад. Над нами не проходили. Мы с Володей собрали лагерь в перерывах. Машину перегнали к просеке на второй маршрут. Если придется уходить с шумом, можно будет быстро выйти на асфальт. Там целая сеть дорог и двигаться можно быстро. Топливные картриджи поставили новые. Так что мы готовы к неожиданностям.

– Это хорошо. Я просила принести веревку, чтобы сделать быстрый спуск с башни...

– Уже,– с гордостью ответил инженер.– Я ее только что закрепил и установил спусковые карабины. Так что мы готовы сорваться в любой момент. Володя будет дежурить в машине в полной готовности. Думаете, сегодня все и закончится?

– Рановато,– засомневалась девушка.– Если верить нашим отцам-командирам, то их операция начнется только через пару дней. Может, активность на базе вызвана другими причинами. Может, это они что-то сами готовят или ждут кого-то. Денек обещает быть интересным.

Майя отмечала изменения в поведении комплекса.

Беспилотники, действительно, выходили на облеты часто. Практически непрерывно один из них находился в воздухе. Примечательным было и то, что летали уже совсем другие машины. Они были значительно больше и тяжелее, а их маршруты были короче. Девушка предположила, что они несли вооружение.

Ощущение приближающегося события усилилось, когда в установленное время бригады инженеров не вышли на традиционное обслуживание. Зато неподвижные антенны на крыше комплекса проявили активность, изменив положение и ориентацию на спутники.

– Что-то происходит,– прошептала Майя.– Они явно к чему-то готовятся.

В ответ на ее слова небольшие курганы, беспорядочно разбросанные вдоль взлетной полосы, вдруг пришли в движение. Она заприметила их давно, предположив, что это могли быть скрытые под землей ракетные установки. Теперь она знала это наверняка.

Курганы раскололись пополам, отгребая землю в стороны, и на их место из земли выползли тупые раструбы пусковых установок. Они поводили своими рыльцами по сторонам и опять нырнули под землю, оставив черные провалы шахт открытыми.

Одновременно с этим, открылись ворота ангара, и сразу пять беспилотников с минимальной дистанцией друг за другом поднялись в воздух. Наблюдая за ними, Майя отвлеклась и не заметила, откуда на поверхность высыпали несколько десятков солдат в тяжелой броне.

Они быстро рассредоточились в нескольких направлениях, но большая их часть направилась к зверинцу.

– Начинается?– Марек, наблюдавший за происходящим в прицел карабина, был явно взволнован. Его голос дрожал, а движения стали резкими и суетливыми.

Девушка оторвалась от окуляра и повернулась к инженеру.

– Успокойся и не дергайся,– требовательно и неторопливо произнесла она.– Чтобы здесь не происходило, мы только зрители. Нас это не касается. Даже если небо упадет на землю, мы не двинемся. Мы отходим только, если нас обнаружат. А так, сидим и ожидаем окончание спектакля. Ты меня хорошо понял? Отстегни обойму от карабина и патрон из ствола убери. Не хочу, чтобы ты пальнул на нервах...

Ее беспокойство позабылось, когда ракетные установки вновь вынырнули из своих нор. Теперь они не рыскали беспорядочно по всему небу, а усталились в одном направлении, всматриваясь во что-то на западе. Турели замерли, изредка вздрагивая, чтобы скорректировать положение.

«А вот теперь будет залп...».

Мысль пролетела в голове Майи за мгновение до того, как зашипели факелы пусковых установок. Ракеты с протяжным воем сорвались с мест, расчерчивая небо дымными хвостами. Густой дым, смешанный с пылью, грязным облаком лег на землю и окутал комплекс. В следующее мгновение облако засверкало изнутри, изрезанное сполохами лазерных лучей, которые протянулись на запад вслед за ракетами.

«Не шуточная драка...»

– Это их ПВО?– восторженно спросил инженер, не ожидая ответа.

Эхо далекой канонады доносилось свидетельством жестокого боя, который неумолимо приближался. Вернулись беспилотники, пройдя на предельно низкой высоте, и клином ушли дальше на восток. Снова взвизгнули пусковые установки, и на столбах дыма в воздух поднялись ракеты.

«А сейчас ждем ответку...»

Чудовищный удар потряс землю, и волна давления ударила по ушам. Девушка почувствовала, как вздрогнула башня, и на мгновение показалось, что та начинает крениться. Майя пригнула голову и закрыла глаза. Следующий удар пришел почти сразу, такой же неистовый и громкий. За ним еще и еще. Земля возмущенно ворочалась и вздыхала под этими ударами.

Комья грязи и камни падали вокруг, создавая шуршание, подобное шелесту дождя. Через этот шелест пробивались глухие удары пушек и очереди пулеметов. Майя подняла голову, всматриваясь в сторону комплекса, но пелена пыли надежно скрывала происходящее. Девушка обернулась к инженеру – тот зачарованно смотрел перед собой, а его лицо светилось впечатлениями.

«Впечатляет,– мысленно согласилась Майя.– Размах у полковника не скромный...»

– Похоже, наши уже здесь.

Девушка повернулась к театру боевых действий, проследив взгляд Марека. Тяжелая пыль быстро ложилась на землю, открывая обновленные декорации. На удивление комплекс не пострадал, даже антенны связи выглядели нетронутыми. Но взлетно-посадочная полоса и вся прилегающая территория были изрыты многометровыми воронками.

Небо загудело авиационными двигателями, и над комплексом пролетело звено штурмовиков, разбрасывая фейерверком тепловые шашки. Натужный гул тяжелого самолета окутал все вокруг, рассыпался мелкой вибрацией. Майя так и не увидела самолета, но прямо над ее головой появились посадочные модули десантных кассет. Они пролетели над верхушками деревьев и, отработывая посадочными двигателями, устремились к комплексу. Через несколько секунд сотни десантников в тяжелой броне рассыпались по изрытому взрывами ландшафту.

– Круто,– прокомментировал инженер.

Майя делать выводы не торопилась. В начале схватки защитники комплекса не показались ей простаками, и вряд ли они считали эту битву законченной. А спустя несколько секунд они показали это. Ответный удар был настолько сокрушительным, что у Майи перехватило дыхание.

Атаковали роботы, точные, стремительные и беспощадные. Все произошло одновременно: вернулись уцелевшие беспилотники, а из ворот комплекса выпрыгнули два тяжелых танка, оказавшись сразу в центре группировки десантников. Из укрытий прилегающего леса фронтом высыпали юркие членистоногие механизмы, больше похожие на бегающий пулемет. Треть десантников была сметена первым же залпом, прежде чем люди сумели среагировать на контратаку.

Десантники были прекрасно подготовленными и хорошо вооруженными. К удивлению девушки, они демонстрировали чудеса тактики и боевых навыков. Не имея, казалось, шансов противостоять боевым роботам, они быстро переломили ситуацию, и большая часть контратакующих была сожжена. Перегруппировавшись, десантники встали плотным фронтом у распахнутых ворот бункера, отбиваясь и методично отстреливая опасного врага.

Девушка вспомнила слухи о том, что командование неофициально использовало искусственных мутантов с особыми навыками. Если мутанты-суперсолдаты и существовали, то именно их она сейчас и видела. По скорости реакции и точности огня они не уступали боевым роботам.

– Это просто невероятно...– не переставая шептал инженер.

Развязка наступила неожиданно.

Майя уже готова была поверить в близкую победу Насферы, как со стороны зверинца хлынули две настоящие волны. Первая катилась по земле и состояла из сотен и тысяч уродливых тварей, похожих на огромных львов с содранной шкурой. Жгуты мышц были отчетливо различимы даже с такого удаления. Они были бесконечным стадом, которое мчалось к десанникам, разинув тысячи клыкастых пастей.

Вторая волна поднялась роем гигантских стрекоз над зданиями, каждая из них размером превосходящая человека вдвое. Гул, производимый сотнями крыльев, был отчетливо слышен даже с места наблюдения.

Обе волны существ обрушились на десантников подобно стихии, утопив их своими телами. А новые полчища продолжали прибывать. Несколько групп Насферы успели отделиться от остальных и отступить к лесополосе, которая отделяла место сражения от разрушенной башни и расположившихся на ней наблюдателей. Десантники торопились использовать рельеф и деревья, чтобы скрыться в густых деревьях, пока основная масса атакующих тварей сметала оставшихся бойцов у ворот бункера.

– Мы видели достаточно,– резко заключила Майя и вскочила на ноги.– Уходим!

– Подожди,– вскрикнул инженер, пристегивая магазин карабина.– Они же отходят прямо к нам. Их надо прикрыть.

Майя оцепенела, не в силах поверить услышанному:

– Ты дурак?– рявкнула она.– Мы свою работу сделали. Через минуту, уже не сможем уйти. Скоро эти твари ринутся в погоню и зачистят весь этот лес!

– Мы должны помочь нашим,– решительно заявил Марек.

– Послушай меня,– девушка оглянулась на быстро приближающийся бой. Схватка у ворот уже завершилась, и волна существ разворачивалась к бежавшим к лесу десанникам.– Сейчас просто нет времени на эти сопли. Если мы не уйдем сейчас, погибнем зря. Эти ребята обречены. Они ничего не смогли сделать, когда их были сотни, а теперь... Это просто глупо! Я даже не знаю, что тебе сказать...

– Тогда просто уходи,– эхом отозвался инженер и приложился к прицелу карабина.

Майя вздрогнула от вспышки ярости, которую вызвали интонации в его голосе. Она была готова сама убить Марека. Очевидная глупость происходящего и собственное бессилие сжигали ее изнутри. Лицо горело и налилось кровью, а зубы сжались до боли.

Драгоценные секунды уходили, и каждое потерянное мгновение снижало шанс на спасение. Она так и не выбрала того единственного и правильного слова, которым могла заставить этого безумца подчиниться ей. Перед глазами встал Блондин и его слова: «...Пойми, Марек, ты все равно не жилец... Вот пошел ты с нами за смертью, так признай это... Может даже, и выбери ее. Зачем опошлять все лозунгами?»

Майя отвернулась и, подойдя к краю, ухватилась за спусковой карабин. Она не решилась посмотреть еще раз на инженера и ступила на отвесную стену. Спусковой карабин затрещал и спустил девушку к подножью башни. Не оборачиваясь, она побежала к просеке, словно старалась убежать от мыслей, которые преследовали ее.

– Где Марек?– спросил Громила, когда запыхавшаяся девушка впрыгнула в машину.

– Поехали!

Здоровяк демонстративно убрал руки с руля и откинулся на спинке водительского сиденья.

– Он остался,– она едва сдерживалась.– Его выбор. Хочешь остаться с ним – выходи прямо сейчас. Погибли все. Шансов нет. Не знаю, успеем ли мы убраться, но на разговор времени нет.

Совсем рядом прозвучала автоматная очередь, и прилегающий лес ожил шорохами.

– Володя, поехали...

Громила резко сорвал машину с места, и она, подпрыгивая на ухабах, устремилась по редколесью просеки. Преследователи проявились сразу. Тени гигантских стрекоз скользнули над крышей внедорожника, и заметались между деревьев. Твари ловко лавировали между деревьев, стараясь заблокировать машину с разных сторон.

– Это еще что такое?– завертел головой по сторонам Громила.

– Давай выясним это потом! От них надо оторваться.

– Как?!

Резкий удар по корпусу заметно качнул внедорожник, едва не натолкнув на камень у обочины. Стрекоза, ударившая машину, получила увечья и покатилась в траву, но на ее место немедленно встала другая. Кольцо быстро сжималось. Крылатые твари сделали еще несколько неудачных попыток таранить машину и сменили тактику. Теперь они норовили закрыть обзор водителю, устроив плотные хороводы на пути.

– Пострелять не хочешь?– с раздражением спросил Громила.

– Нет,– спокойно ответила девушка.– Здесь нужен скорострел или пулемет. Из карабина я успею сделать пару выстрелов, прежде чем твари мне голову откусят.

Внедорожник резко задрал нос и по откосу обочины запрыгнул на асфальтированную дорогу. Двигатель сменил тембр голоса, и машина заметно прибавила в скорости. Стрекозы удерживали темп, но теперь это давалось им намного сложнее. Они даже немного расступились по сторонам.

– Их двенадцать,– посчитала Майя.

Она перебралась на задние сидения и сдвинула напольный люк, под которым летела серая лента асфальта. Девушка долго возилась с таймером гранаты, прежде чем бросить ее в раскрытый люк. Взрыв был настолько близко, что машину швырнуло вперед и занесло.

– Тише...– застонал Громила, едва удержав машину на дороге.– Так ты нас сама угробишь.

– Девять...– Майя закрыла нижний люк.

Стрекозы резко расступились и теперь держались на заметном удалении от машины. Девушка взяла карабин и сдвинула верхний люк в сторону. Она сделала несколько коротких выстрелов вверх и снова дернула замок люка.

– Восемь... Далеко нам до периметра?

– Только что проехали вышку, – ответил Громила. – До точки эвакуации миль семьдесят. Если бы эти твари не маячили перед носом, за полчаса бы добрались.

Майя уже схватилась за замок люка, как внедорожник, вдруг, присел и клюнул носом. Она упала на пол между сиденьями, выронив оружие. Машина застыла неподвижно, а совсем рядом громко забарабанил крупнокалиберный пулемет.

Майя вскочила на сиденье и застала финальную сцену короткой схватки.

Преградив им путь, на дороге стоял броневик, а его башенный пулемет в брызги расстреливал стрекоз. Фрагменты их крыльев еще летали в воздухе, а из-за броневика уже выбежал десантник с шевронами Насферы. Он резко зажестичулировал, но девушка уже вышла ему на встречу. Десантник, резко открыл забрало шлема и закричал:

– Чего встали? Убирайтесь!

– Поехали за нами. У нас есть точка эвакуации, – растерянно возразила девушка.

– Убирайтесь! Мы прикрываем ваш отход.

Он поднял руку и указал за спину Майи. Обернувшись, она поняла, что так возбуждало десантника. Рой стрекоз плавно двигался над верхушками деревьев, приближаясь, как волна цунами. Девушка одним движением впрыгнула во внедорожник, и Громила сорвал его с места без лишних слов. Едва отъехав, они услышали, как опять заработал тяжелый пулемет.

Машина двигалась на пределе своих возможностей. Иногда она срывалась в занос на запыленной дороге, когда Громила пытался увернуться от препятствий и залежалого мусора. Девушка молчала, напряженно всматриваясь в дорогу. Любая ошибка водителя могла стоить им жизни. Только к концу маршрута, когда над лесом показалась смотровая башня аэродрома, Громила сбросил скорость:

– Что ты там увидела? Это хоть того стоило?

– Я даже не представляла, насколько хорошо подготовлены ребята Насферы, если они вообще люди. Мы в сравнении с ними, зеленые ополченцы. Но те, кто окопался на этой базе, на несколько голов выше их. Там были не только твари, но и роботы. Такая силища и в таком месте...

Внедорожник свернул с дороги и направился сквозь кустарник по просеке, которая вывела к высокому бетонному забору.

– Встанешь на машину и переберешься через забор, – угрюмо заявил Громила, остановив внедорожник прямо перед стеной забора.

– Что это значит? – насторожилась девушка.

– Вертолетная площадка, судя по схеме, за стеной. Объезжать вокруг нет смысла и времени.

– Я не об этом. Ты сам чего сидишь как памятник?

Громила сбросил шлем и повернулся к девушке:

– Потому что дальше ты идешь одна.

– Вы что сговорились?! – вскрикнула Майя. – А у тебя какие проблемы с головой?

– Значит, Марек тебе не сказал, – посуровел здоровяк. – Меня вчера укусил головастый клещ.

– Как? – растерялась девушка.

– Или гидру прокусил, или мы могли занести его в машину на одежде... Какая разница теперь? Он не просто укусил, а сделал кладку. Кровь разнесла яйца этих паразитов по всему телу. Скоро я почувствую, как тысячи челюстей жрут меня изнутри.

– Хватит ныть! В карантине с этим справятся. Мы там будем уже через пару часов...

– Хватит!– Громила ударил кулаком по рулевому колесу.– Нет у тебя на это времени. Некуда мне возвращаться, да и незачем... Блондин накаркал. Или оказался прав... Не хочу умирать на больничной койке... Жаль, что Марека рядом не будет. Но тебя это не касается.

– Не делай этого,– поморщилась Майя.– Не сдавайся...

– Теряешь время. Мне хватит надежды, что все было не зря. Хотя, я теперь это вижу иначе. Я родился и вырос на помойке. Как и ты. Но рад, что умру на свободе. Здесь я ее вижу. И Марек тоже... Думаю, мы зря бежали с материка. Это не нашествие... Это был наш исход из собственного мира. Я свой выбор сделал. Я вернулся. Не теряй время – убирайся, пока можешь.

Девушка промолчала. Она не нашла нужных слов, а сотрясать воздух пустыми фразами не стала. Это было бы неуважением к человеку, который стоял на пороге смерти и имел волю выбирать. Последний час Громила сражался за ее шанс выжить. Бесценные часы своей жизни он подарил ей.

Майя, изогнувшись, резко и крепко обняла здоровяка, сжав его крепкие плечи изо всех сил. Она прижалась маской шлема к его груди и пожалела, что эта преграда не дала ей возможности кожей лица почувствовать прикосновение.

Девушка одним движением оттолкнула Громилу и выскочила из машины. Она запрыгнула на капот и, сделав широкий шаг на крышу, вцепилась в верхний край стены. Майя едва взобралась на стену, как стоявший неподалеку старенький Ми-8 вздрогнул и загудел турбинами. Внешне вертолет мало чем отличался от ржавого лома авиационной техники, вросшей в траву по всей территории аэродрома. Но сейчас он старательно раскручивал лопасти, готовился к своему последнему полету.

Майя спрыгнула со стены и побежала, спотыкаясь на кочках высокой травы. Она задыхалась от слез и кричала навзрыд, срывая горло. Безадресный гнев разрывал ее изнутри.

Здоровяк вышел из машины и застыл у высокой стены, подойдя к ней вплотную. Он равнодушно прислушивался к звукам за стеной. Вертолет взлетел, и шум его винтов быстро удалялся, уступая место шороху ветра. Здоровяк продолжал стоять, потерявшись в раздумьях.

Он ничего не замечал вокруг.

Не заметил и старую камеру наружного наблюдения, установленную прямо на верхнем краю стены в нескольких метрах от него. Она выглядела такой же позабытой, как и остальные свидетельства человеческой цивилизации. Но покрытая пылью, с перепачканным объективом, она внимательно взирала на человека у стены, изредка поигрывая диафрагмой и фокусом, чтобы внимательнее рассмотреть гостя.

Глава Четвертая

Аля вглядывалась в затухающие уголья очага.

Красные огоньки медленно таяли и прятались в сажу. Жар отступил, сменившись ровным теплом нагретого камня. Печь погасла, но еще долго будет согревать дом.

Вал давно ушел с телом Антоника, и девушка осталась одна. Для нее время потеряло смысл, замерло на единственном моменте, прокручивая его бесконечно. Она была охотником, зверем, и привыкла к смерти, но убийство брата разверзло бездну под ногами.

Даже когда в избу вошел Вал, девушка осталась неподвижной, потерянной в мыслях.

– Мы сегодня не спали, а хозяин уже запрягает подводу,– глухо произнес он.– Скоро рассвет. Можем задержаться здесь на день, отоспаться.

– Не здесь,– быстро возразила Аля.– Подальше...

– Тогда надо выходить сейчас. Хозяин говорил, что до поселка два дня. Но это, если идти днем и не торопясь. Выйдем сейчас – к ночи доберемся.

– А машина?

– Кодовый замок на зажигании, ловушка под сидением. Антоник позаботился о том, чтобы она не стала трофеем. Лучше не связываться.

Хуторянин не стал провожать гостей и безмолвно закрыл за ними ворота. Он не скрывал недовольства, но и не проклинал за спиной.

Дорога была едва заметной и больше походила на извилистую тропу в редком лесу с кривыми деревьями. Лошадь уверенно брела через унылый бор, вселяя спокойствие в молчаливых пассажиров. Рассвет встал не над деревьями, а пришел прямо сквозь прозрачный лес.

Аля долго искала взглядом что-то, что могло отвлечь мысли, даже жгла глаза о края солнечного диска. Но солнце встало уже в зенит, а ночь для девушки не закончилась.

– Что ты чувствуешь?– неожиданно для себя спросила она.

Вал ожидал этот вопрос, и ответил вопреки обыкновению сразу:

– Смятение. Сейчас смятение. Впустив кровь Антоника, я ожидал многого. Но пришло больше. То, чего не ожидал...

Девушка вздрогнула и повернулась к брату. Он говорил, и его голос возвращал в реальный мир. Она опять слышала запахи, чувствовала ветер в волосах. Это походило на пробуждение после кошмара. События ночи померкли. Ее жизнь вновь заполнилась единственным дорогим ей человеком.

От перемены ощущений Аля зажмурилась. Теперь она с недоумением вспоминала свое уныние, и ей стало стыдно. Брат нуждался в поддержке, а она подвела его.

– Я чувствовала его боль, страдания...– попыталась она оправдаться, но Вал не слушал.

– Слишком много пришло ко мне от Антоника,– продолжал он.– Теперь я все знаю об оружии и убийствах... Слабые места... Знаю, что убивает быстро, а что доставит мучения. Мне знакомо ощущение победителя...

Вал неожиданно выхватил самурайский меч и отвел его лезвие далеко в сторону. Прищурившись, он внимательно посмотрел на изгиб лезвия и то, как играет металл с отражением солнечных лучей.

– Это катана Сосю китаэ. Удивительное оружие. Не простой самурайский меч. Его делал умелый мастер. Это уже не технология... искусство.

Он сделал несколько резких взмахов.

– И теперь я умею им пользоваться... Но я не знаю пароль от кодового замка его машины, и не представляю, откуда он к нам приехал...

– С его кровью к тебе перешли знания и умения, но не память?

– Не знаю. Ко мне перешло слишком много. Лишнее. И сейчас это распирает меня...

Девушка задумалась над словами брата. Кровь отца в ее жилах всегда представлялась силой, которой можно владеть и призвать в нужный момент. Это был дар, который, как она считала, нельзя отнять. Но теперь все было иначе. Сила не принадлежала ей. Антоник мертв, и сила крови ушла к брату и унесла с собой все, чем владел Антоник. Она не была даром – всегда оставалась независимым... существом.

Холодок пробежал по спине Али, когда мысль о крови отца сложилась в голове окончательно. Она схватила брата за руку и заглянула ему в лицо:

– Отец не ушел. Он растворился в нас своей кровью!

– Мы всегда знали это.

– Ты не понимаешь! Он ничего нам не передавал!– девушка задохнулась от возбуждения, не в силах подобрать слова.– Это обман. Через наших матерей, он сам поселился в нас. Он все это время просто наблюдает за нами через нас. Мы лишь мысли в его голове! Он создал нас, чтобы мы исполнили его замысел... чтобы додумали его мысли.

Вал поморщился, не отвечая пониманием на призывы сестры:

– Так и устроен мир. Родители передают своим детям...

– Нет!– девушка схватила брата за плечи.– Это не то. Он не такой отец! Он... Он создал нас, чтобы вселиться в наши тела. Он незаметно направлял нас все это время. А теперь хочет вернуться! Это его желание собрать свою кровь заставляет нас убивать друг друга. Мы фрагменты его личности. Понимаешь? Он жив!

Вал попытался избавиться от захвата цепких рук, но внезапно замер, потеряв взгляд на чем-то за спиной Али. Девушке показалось, что он услышал ее слова и задумался, но в следующее мгновение поняла, что брат пристально всматривался во что-то. Она обернулась и замерла.

В сотне шагов от них параллельно дороге бесшумно двигался странный мальчик, лет двенадцати. Его движения были плавными, словно он плыл над землей. Тихий безветренный полдень был наполнен шорохами, которыми живет лес, но ребенок не издавал ни единого звука, ни одна ветка не хрустнула под его ногами.

Девушка подогнула ноги и оперлась на руки, готовая быстро спрыгнуть с телеги.

– Не торопись,– шепнул Вал.– Что-то не так.

Лошадь, ритмично раскачивая головой, тянула подводу по ухабистой дороге, а мальчик невозмутимо двигался поодаль, изредка скрываясь за деревьями и зарослями. Аля всматривалась в странного попутчика, не в силах разобрать выражения его лица и деталей одежды, как вдруг мальчуган исчез. Он в очередной раз скрылся за деревом, но уже не вышел из-за него.

Девушка беспокойно завертела головой, но Вал тихонько толкнул ее в бок и кивнул головой вперед. Мальчик продолжал двигаться в той же манере, но теперь он оказался впереди и намного ближе. Аля вздрогнула от ощущения нереальности происходящего – он не мог продвинуться так далеко и незаметно для нее. Первой мыслью было предположение, что это ребенок хуторянина, но теперь она сомневалась, человек ли это. Не было звуков, не было запаха, не было ощущения чего-то живого.

Аля аккуратно извлекла пистолет и взвела курок. Вал осторожно положил ладонь на ее руку и опустил оружие вниз. Его брови были сдвинуты:

– Осмотрись внимательно. Не надо пугать лошадь.

Девушка перевела взгляд на лес и похолодела. В нескольких сотнях шагов от них по лесу шел второй мальчик. Он был совершенным близнецом первого. То же лицо, те же движения, та же одежда. Всмотревшись, она увидела и третьего, который едва заметно двигался среди деревьев, иногда исчезая из вида и появляясь вновь.

– Что это за твари?– выдохнула она.

Вал отрицательно покачал головой. В его движениях проявилось напряжение, которое еще больше усилило беспокойство девушки. Она не испытывала страха перед опасностью, но сейчас к ней пришел ужас неведомого. Заглянув в него, Аля не увидела дна.

Страх заставил оглянуться, и девушка едва не вскрикнула. Всего в десяти шагах за подвой шел очередной мальчуган. Совсем близко. Его взгляд был направлен вдаль, сквозь нее и лес, а на лице была запечатана сосредоточенность. Казалось, ноги ребенка не касаются земли, лишь раскачиваясь при ходьбе, и несет его вперед какая-то неведомая сила.

Аля отпрянула, прижавшись спиной к брату, и зажмурилась. Она едва удерживала в себе крик, который распирает грудь, рвался наружу, сдавливал обезумевшее от частых ударов сердце. Она боялась открыть глаза и увидеть лицо мальчика прямо перед собой.

Порыв ветра подхватил ее волосы и обтер лицо поднятой с земли пылью. Потрясенные кроны деревьев отозвались шелестом и скрипом, а на закрытые веки девушки легла тень. Аля решила открыть глаза, ожидая увидеть того, чья тень заслонила солнце...

Лошадь усердно чеканила шаги, а лес наполнился движением ветра. Прошлогодняя листва и пожухлые травы засуетились у корней деревьев. Но это было единственное движение в лесу. Странные мальчики исчезли, и на землю легла тень серых облаков, которые не стояли больше у горизонта, а нависали прямо над головой, обещая скорый дождь.

– Они исчезли с первым порывом ветра, – подтвердил Вал, услышав, как сестра задвигалась, пытаясь осмотреться.

– Они были уже рядом. Я могла их рассмотреть. Мне было страшно.

– Да. Что-то их остановило. Может, дождь.

– Кто это был? – девушка продолжала опасливо оглядываться.

– Не знаю. И рад, что не узнали. Было похоже на ловушку.

Дождь пришел на мягких лапах.

Сперва забарабанили крупные капли, которые ложились редко и шумно. Потом с шипением накатили плотные волны, раскачиваемые ветром. Они то били в лицо сплошным потоком, то иссякали до нерешительных брызг. Но, в конце концов, дождь определился и встал сплошной стеной, заполнив все между небом и землей.

Серые тучи сомкнулись непроницаемым покрывалом, собрав тени леса в полумрак. И хотя до заката еще оставалось время, ранняя ночь льнула к путникам, скрадывала очертания кривых сосен.

Лошадь заметно приуныла, но Аля надеялась, что ее замедлила раскисшая дорога, а не сомнения. Потому что самой дороги ни она, ни Вал уже различить не могли, и им оставалось полагаться на чутье и память животного. Чтобы облегчить ношу, девушка оставила подводу и пошла рядом, всматриваясь в спину брата, который уже шел впереди, изредка отступая на скользкой грязи.

Аля смотрела ему в спину и вспоминала недавний разговор об отце. Ее пугала мысль о том, что часть Антоника могла поселиться в Вале. Она по-звериному остро чувствовала настроение брата, понимала его мысли и смысл недосказанных фраз. Дети своего отца, они все умели чувствовать присутствие друг друга на расстоянии. Но Вала она ощущала иначе, глубже.

Был у Вала и другой дар отца. Он умел «закрывать» от остальных родственников, блокировать связь, доступную крови. Когда они покинули семью, укрывшись в пустынях северных широт, он стал недоступным для всех, включая собственную мать. И только у Али оставалась привилегия чувствовать его.

С момента убийства Антоника она больше не ощущала брата, не чувствовала его присутствия, словно это был обычный, чужой человек. Девушка очень привыкла к ощущению особенной связи с ним, и теперь этого не хватало.

Вал неожиданно остановился и одернул лошадь. Впереди раскачивался и подрагивал огонек, танец которого выдавал путевой фонарь. Кто-то двигался навстречу.

– Зажги свет.

Аля торопливо отреагировала на слова брата и вытащила из поклажи масляный фонарь – стеклянный куб с фитилем внутри и емкостью для горючей жидкости. Вал был прав, люди слепы без света и не ходят в темноте без фонарей.

Им навстречу двигались два всадника. Они остановились в сотне шагов, и один из них выдвинулся вперед, высоко подняв фонарь над головой. Вал остановил лошадь, и тоже сделал несколько шагов навстречу.

Всадники неторопливо приблизились, сохраняя дистанцию:

– Кто такие?– требовательно выкрикнул ближайший.

– А кто спрашивает?– невозмутимо переспросил Вал.

– Тот, кто признал эту лошадь... Где Юзеф?

– Почем мне знать? Мы вышли с хутора с восходом. Там он и оставался. Подводу сторовали по-честному. А сами кто такие? Промысловики из поселка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.